

*Кафедра славянских языков и культур факультета
иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова*

*Центр междисциплинарных исследований
славянской книжности Института славяноведения
Российской академии наук*

*Институт славянской культуры
РГУ имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)*

Славия:

история, культура, язык

Студенческая научно-практическая конференция с

международным участием

в рамках Дней славянской письменности и культуры

17 мая 2022 г.

ТЕЗИСЫ

Программный комитет:

Запольская Н.Н. – д.ф.н., зав. кафедрой славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, в.н.с. Института славяноведения РАН

Узенёва Е.С. – к.ф.н., заместитель директора Института славяноведения РАН, руководитель научно-образовательного центра славистических исследований

Организационный комитет:

Белоусова В.В.

Вучкович Е.С.

Гливинская В.Н.

Запека О.А.

Иванова И.Е.

Кульпина В.Г.

Осипова О.А.

Переволочанская С.Н.

Пионтек Б.

Платонова И.В.

Шапкина О.Н.

Модераторы конференции:

Осипова О.А.,

Сергунина М.Н.

Славия: история, культура, язык. Сб. тезисов студенческой научнопрактической конференции с международным участием (17 мая 2022 г., Москва) / Отв. ред.: Н.Н. Запольская, Е.С. Узенева. Сост., ред.: О.А. Осипова. М, 2022. 74 с.

Сборник содержит тезисы участников IV студенческой научно-практической конференции «Славия: история, культура, язык», состоявшейся 17 мая 2022 г.

ISBN 978-5-7576-0476-3

© Коллектив авторов, 2022

DOI 10.31168/7576-0476-3

СОДЕРЖАНИЕ:

СЕКЦИЯ «ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

<i>Белова Наталья</i> , Образ kacíře v spisech českých jezuitů doby pobělohorské	5
<i>Семисалова Кристина</i> , Škola mateřského jazyka Jana Amosa Komenského	7
jako nástroj formování národní identity	
<i>Миляев Фёдор</i> , Umelecká interpretácia dejín v cykle J. Kráľa "Drama sveta" a v tvorbe ruských dekabristských básnikov	8
<i>Степкина Анастасия</i> , Postavení žen v československé společnosti meziválečného období (na základě beletrie)	10
<i>Голобородько Алексей</i> , Vznik sovětského modelu socialismu v Československu a první politický proces	12
<i>Вострикова Мария</i> , Protikomunistický odboj v Československu: skupina bratří Mašínů	14
<i>Рутковская Татьяна</i> , Charta 77 a Státní bezpečnost	16
<i>Анисимов Алексей</i> , U počátků moderní české grafiky: Preissig, Mucha, Kupka	19
<i>Василенко Мария</i> , Wyobrażenia o Kozakach w regionie przygranicznym między Państwem Moskiewskim a Rzeczpospolitą w XVII wieku	21
<i>Фадеев Иван</i> , Ideologiczne poglądy kierownictwa Konfederacji Barskiej	24
<i>Долгих Дарья</i> , Historia Polski w obrazach Jana Mateiki	26
<i>Лейдерман Ася</i> , Spojrzenie na życie kulturalne chrześcijańskiej Warszawy z perspektywy żydowskiej gazety w języku jidysz «Haynt», 1908-1909	28
<i>Лаврова Анна</i> , Rola ruchu Solidarności w historii Polski	29
<i>Басуева Лидия</i> , Henryka Łowmiańskiego koncepcja etnogenezy słowiańskiej	33
<i>Юрова Алина</i> , Legendarne a bajeczne źródła polskiej bajki "Pieczary w Czarnej Górze" (ze zbioru K. Wł. Wójcickiego)	35
<i>Кириллова Мария</i> , Феноменова Людмила, Rola kiczu w twórczości Milana Kundery i Agnieszki Holland / Role kýče v tvořivosti Milana Kundery a Agnieszky Hollandové	37
<i>Божко Алёна</i> , Образ мłодзиеży w polskich piosenkach ludowych	40

СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

<i>Лагутова Анастасия</i> , Роль метафоризации в создании образа святого (на примере акафиста Николаю II)	45
<i>Бабенкова Анастасия</i> , Култ реликвија и религијског простора у Србији	47

<i>Пищурова Татьяна</i> , Феномен рата у делу Светог Николаја Српског „Рат и Библија“ написаном у међуратном периоду (1918-1939)	50
<i>Антипина Дарья</i> , Nezavisna Crna Gora u sistemu међународних односа (1878-1918)	53
<i>Мищаненко Дмитрий</i> , Како је принц од Савоје Aimone постао хрватски краљ Томислав II.	55
<i>Владинская Мирослава</i> , Поредбена анализа чаробних бића руског и српског фолклора..	58
<i>Кузьмина Софиа</i> , Утицај руског балета на српску културу	61
<i>Жуйкова Софиа</i> , Југоносталгија и сећање на Југославију у савременој поп-култури и јавном простору земља бивше SFRJ	63
<i>Гребенюк Денис</i> , Бориловият синодик и рољата на миряните в църквата на средновековна доосманска България	66
<i>Анцупова Валерия</i> , Български и руски антропоними в социокултурен аспект	67
<i>Колбасова Наталья</i> , Бели емигранти в България през 1919-1944 г.	69
<i>Кольцов Олег</i> , Атомната енергетика в контекста на Република България	72

СЕКЦИЯ “ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ”

Наталья Белова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(исторический факультет, аспирантура)

nrbelovaa@yandex.ru

Образ кacíře v spisech českých jezuitů doby pobělohorské

Analýza jezuitských spisů ukázala, že lze rozlišit čtyři hlavní charakteristiky kacíře: kacíř jako hříšník, kacíř jako d'áblův přísluhovač, kacíř jako politický zločinec a kacíř jako nepřítel.

Ačkoli kacířství pochází z řeckého slova "volba", již od středověku bylo považováno za hřích. Tomáš Akvinský označil nevěru (infidelitas) za jeden z nejzávažnějších hříchů [Аквинский 2011: 128]. A kacířství bylo považováno za jeden z druhů nevěry, který vzdaluje člověka od Boha a zbavuje ho možnosti spasení duše, protože spása je možná pouze v katolické víře. Představa kacíře jako hříšníka, kterou nacházíme ve spisech českých jezuitů, je v proudu katolické tradice. Je velmi zajímavé, že Slezký jezuita Matěj Vierijs dává nekatolikům příklad pohanů, kteří, podle jeho slov, s radostí připraveni zemřít pro své idoly, zatímco hříšníci nejsou ochotni trpět pro víru [Vierijs 1689: 189].

Když mluvíme o kacířství, nemůžeme opomíjet postavu d'ábla, který byl považován za patrona a inspirátora kacířských učen. Kacířství je tedy vnímáno jako nástroj d'ábla, který mu pomáhá srazit lidi z pravé cesty a poslat je do pekla. Jezuitští autoři psali nejen o d'ábelských učeních kacířů, ale také o spojení mezi d'áblem a Lutherem, Calvinem a dalšími zakladateli nekatolických vyznání. V raném novověku byla tato myšlenka dost rozšířená jak v teologických spisech, tak i v textech zaměřených na široké publikum.

Kacíři jsou však nepřáteli nejen víry a církve, ale i státu, tj. vystupují jako političtí zločinci. V knize Matěje Vierijs "Christoslaus" je popisováno, jak panovník vede válku proti jedné ze zemí svého státu, která se odstoupila od katolické víry. Popsané události jsou vnímány Vierijs nejen jako šíření kacířství, ale právě jako povstání proti panovníku [Vierijs 1689: 370]. Kde lze najít původ takového vnímání? Na jedné straně, myšlenka, že kacíři jsou narušiteli veřejného pořádku, vznikla již v

raném středověku a pochází například z Augustinových spisů. Nicméně při studiu vztahu k kacířství v katolické kultuře raného novověku, je důležité podtrhnout, že kacíři mohou nejenom poškodit veřejný klid, ale také povstat proti sekulární moci, tj. kacířství je samo o sobě politický zločin. Podobné vnímání se projevuje nejen v textech katolických autorů, ale i v praxi. Například britská historička P. Roberts poznamenává, že v Evropě 16. a 17. století protestanti byli častěji odsuzeni ne jako kacíři, ale jako vládní zrádci [Roberts 2020: 553].

Jezuitští autoři vytvářejí jasný obraz nepřítele, který neustále bojuje proti církvi a proti pravé víře. Při popisu nekatolíků jezuité zdůrazňují jejich nesmiřitelný postoj vůči katolické církvi a nebezpečí, které z nich vyplyne. Počátky vnímání kacíře jako nepřátele lze nalézt už v patristické literatuře.

Poněvadž kacíři představují nebezpečí jak pro katolickou víru, tak i pro stát i pro obyčejné věřící, je třeba s nimi bojovat. Jezuita Matěj Václav Šteyer, známý jako překladatel a jeden z autorů Bible svatováclavské, napsal, že "zlí lidé a zejména kacíři" musí být potrestáni na tom světě, a ne po smrti, aby nepoškodili ostatní [Šteyer 1691: 117]. Tato teze ospravedlňuje a zdůvodňuje náboženské násilí vůči představitelům nekatolických vyznání. Samozřejmě, k boji proti nekatolíkům byly použity nejen násilné metody, ale také kázání a misionářská činnost. Pro jezuity je však velmi důležitá myšlenka, že nelze tolerovat nekatolíky a je třeba je jakýmkoli prostředky obrátit na pravou víru.

Katolická církev, v podání jezuitů, je obklopena nepřáteli a je ve stavu nekonečné války se zlem. Obraz Ecclesia Militans (církve militantní) byl upevněn Tridentským koncilem a o něco později Římským katechismem. Myšlenka neúnavného boje proti zlu je prvkem mnišské spirituality, který je zvláště charakteristický pro Tovaryšstvo Ježíšovo. Domnívám se, že růst popularity obrazu militantní církve souvisí s Reformací a potřebou posílit pozici katolicismu.

Závěrem je třeba poznamenat, že spisy pobelohorského období představují obraz kacíře, jehož mnohé rysy se již dávno zformovaly v katolické tradici. Konfesní éra však upozorňuje na problém kacířství a otázku postoje k nekatolíkům. Cílem spisů kazatelů a misionářů z Tovaryšstva Ježíšova bylo vytvořit u obyčejných věřících určité představy, které by přispěly k prohloubení jejich zbožnosti. V době rekatolizace důležité bylo ukázat na nebezpečí, plynoucí z kacířských učení a z

nekatolíků, kteří i přes ukončení rekatolizace na konci 17. století ještě tajně mohli zůstat v Českých zemích.

Литература

1. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 1-46. Киев, 2011.
2. Roberts P. Intercommunal Violence in Europe // The Cambridge World History of Violence. Cambridge, 2020. V. 3. P. 531 – 553.
3. Matěj Vierijs. Christoslaus aneb život Kristoslawa knížete, z něhož každý křesťanský člověk velmi pěkný příklad, weystrachu a naučení sobě wzýti může. Praha, 1689.
4. Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická na dvě částky rozdělená Nedělnj a Swátečnj. Praha, 1691.

*Кристина Семисалова
ФГБОУ ВО РГУ им. А.Н. Косыгина
(факультет Технологии. Дизайн. Искусство, бакалавриат)
semisalova2017@yandex.ru*

Школа родного языка Я.А. Коменского как инструмент формирования национальной идентичности

Ежегодно 24 мая в России отмечается День славянской письменности, связанный с чествованием солунских братьев. Это событие является общезначимым для всего славянского мира.

Исследования известных мировых ученых дают нам основания утверждать, что язык оказывается едва ли не определяющим кодом для расшифровки специфики каждой культуры, являющейся его носителем. Из этого следует, что во многом он формирует национальную идентичность.

Известный чешский ученый, Ян Амос Коменский, в 17 столетии указал на необходимость получения образования на родном языке. Одной из обязательных стадий обучения он выделил «Школу родного языка» (с 6 до 12 лет).

Говоря о языках, Коменский отметил, что их следует изучать последовательно и отдельно. В первую очередь – родной язык. Педагог писал о том, что не должно быть народов, у которых родной язык был бы беднее латинского.

Рассуждая о необходимости создания школ родного языка в каждом населённом пункте, «учитель народов» указал на то, что они важны для сохранения национальной идентичности.

Литература

1. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения: В 2-х томах. – М. : Педагогика, 1982.

Фёдор Миляев
Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)

Художественная интерпретация истории в цикле Я. Краля "Драма мира" и в творчестве русских поэтов-декабристов

Цикл стихотворений Я. Краля «Драма мира» осмысляет борьбу добра и зла в истории и современности, поругание веры и забвение высоких идеалов, погружение во тьму и мощный прорыв к свету. Цикл в своей художественной глубине перекликается с творчеством Гёте, Байрона, Мицкевича, Лермонтова, Махи [Шведова 1997: 131-132]. Мы обнаружили переклички и с творчеством декабристов.

Открывающее стихотворение цикла — *Na rúnoch vekov* («На руинах веков»). В фантастической сцене встречаются исторические герои из разных эпох: римский император Гай Юлий Цезарь, убивший его Марк Юний Брут («Марк Брут»), французский император Наполеон и Луций Юний Брут («Юний Брут») — один из основателей Римской республики, возглавивший восстание против последнего римского царя Тарквиния Гордого.

На первый взгляд две пары героев противоположны друг другу: Цезарь и Наполеон олицетворяют сильную власть и автократию, а Марк Брут и Юний

Брут — борьбу с такой формой государства. Луций Юний Брут напрямую говорит о том, что свобода и величие римлян заключаются в том, что Рим больше не будет знать царей.

Однако, как ни странно, герои не противопоставляются друг другу. С их собственной точки зрения, они обсуждают одно и то же — утраченное наследие предков, а именно свободолюбие и воинскую доблесть, «славу отцов». Цезарь рассматривает Наполеона как своего эпигона, продолжателя его дела.

Марк Брут говорит о том, что ныне римлянин — орёл, который «не летит над горами и долами, а без крыльев пищит в мерзкой неволе», а в прошлом это был «железный римлянин», который был в нужный момент бросить пахоту и взяться за меч.

При этом с мотивом мужества обычно тесно связан мотив пролития крови. Кровопролитие — это почётно. Марк Брут хвалится тем, что его «меч свободы» стоил много крови, что за него пали тысячи жертв. Вслед за падением нравов меч превратился в косу.

Декабрист К.Ф. Рылеев посвятил исторической тематике цикл «Думы». В таких думах, как «Олег Вещий» и «Святослав», герои жаждут боя, «пира кровавого», а византийские «потомки Брута и Камилла» развращены «негой» и поэтому не готовы вступить в бой. Незавершённая дума «Вадим» повествует о Вадиме Храбром, восставшем против Рюрика. Как и герои Краля, Вадим задумчиво смотрит на мир свысока. Вадим размышляет о том, что хотел бы возродить наследие предков — свободу новгородцев.

Но не всегда кровопролитие интерпретируется с положительной стороны. Это в то же время и трагедия («земля от крови красна» у Краля). «Новгородский» цикл А.И. Одоевского, осмысляющий борьбу вольного города с московским царём, показывает кровавую катастрофу. В балладе «Иоанн Преподобный» («Гробокопатель») рисуется масштабная картина новгородской катастрофы:

Вдоль берегов кручинных Волхова,
Во всех пяти концах,
Везде за бойней бойни строятся,
И человечье мясо режется
Для грозного царя [Одоевский 1958: 130].

Один из центральных лейтмотивов «Драмы мира» Краля — мотив утраты наследия предков, благородной старины. В стихотворении «Дева 1610 года» А. Одоевский говорит о том, что до татаро-монгольского ига Русь была свободной, но после падения ига рабство не ушло, а осталось отпечатанным на народе.

Татарин пал; но рабские уставы

Народ почёл святою стариной.

<...>

Сверкает меч и падают герои,

Но не за Русь, а за тиранов честь [Одоевский 1958: 65-66].

Исторические личности в произведениях революционных романтиков не всегда идеализированы. В думах о Святополке Окаянном и об Игоре Рюриковиче Рылеев осуждает пороки властителей. Вильгельм Кюхельбекер в саге «Святополк» тоже осуждает князя-братоубийцу.

В стихотворении Катенина «Мстислав Мстиславич» сочетаются доблестная гибель и печаль от предстоящего кровопролития. Катенинский князь Мстислав сам осуждает себя за роковую ошибку.

Свались на прах за ним

И голова со плеч!

Нет срама мертвому,

Кто смог костями лечь.

Но лучше бы очей не раскрывал вовеки,

Чем битвы зреть конец: и крови русских реки

И трупов их бугры, и малое число

Спасенных от меча на вящее лишь зло,

На бегство, глад, болезнь, ужасные мученья —

Всегдашний горький плод несчастного сраженья [Катенин 1965: 109].

Таким образом, в интерпретации истории для рассматриваемых романтиков важна мифологизация прошлого, но не всегда идеализация. Основные категории — сила, свобода, мужество. Кровопролитие может выступать признаком как доблести, удалости, так и трагического падения.

Литература

5. Шведова, Н. В. Янко Краль (1822–1876) // Словацкая литература от истоков до конца XIX в. / Машкова А.Г., Шведова Н.В. и др. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. С. 126–135.
 6. Катенин П.А. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1965. 744 с.
 7. Одоевский, А. И. Полное собрание стихотворений (под ред. В.С. Киселёва). Л.: Советский писатель, 1958. 257 с.
-

Степкина Анастасия
Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова
(исторический факультет, магистратура)
nastyaastep@mail.ru

Образ женщины в чешском обществе в период Первой республики (1918-1938 гг.)

«Долгое время женщины были отодвинуты в тень истории» [Thebaud 2000: 50]. Однако все изменила Первая мировая война, которая навязывала женщинам роли, которые прежде были исключительно мужскими.

На данный момент проблема социального пола является исключительно актуальной в культуре и науке. Из-за кризиса системы гендерных отношений меняются представления не только о мужском и женском, но и все социальные институты, их функции и значения.

Главная цель исследования изучить и проанализировать статус женщин в Чехословакии в межвоенное время на основе произведений художественной литературы, написанные в межвоенное время чешскими авторами.

В целом, мужчины занимали главенствующую позицию в обществе. Касаясь отношения их к женщинам, можно сказать, что многие мужчины ставили себя по уму, поведению и статусу выше женщин, разделяли сферы деятельности на мужские и женские. Однако общество трансформировалось, и многие стереотипы о женщинах былых времен теряли свою актуальность.

Таким образом, можно сказать, что мнение общества во многом формировало жизнь и образ мышления женщин, напрямую влияя на их

возможности и поступки. Под гнетом общества большинство из них не могло вести тот образ жизни, который они хотели, или вынуждены были мириться с насмешками и унижением, как от посторонних людей, так и от собственной семьи. Однако были и женщины, которых устраивала роль порядочной жены и хозяйки: они получали удовольствие от работы по дому и жизнь в патриархальном обществе их никак не угнетала.

Однако стоит отметить, что после Первой мировой войны женщины начинают становиться более самостоятельными, и это приводит к появлению целого ряда независимых женщин, которые сами работали и не зависели от своей семьи.

Хотя в целом, тенденция отношения общества к женщине как к домохозяйке сохранялась – это проявлялось и в общем пренебрежении к женщине, занимавшейся чем-то иным, в закостенелых стереотипах, сформировавшихся на протяжении поколений, а также в личных терзаниях женщины касаясь того, получится ли у нее пробиться и добиться чего-то в мире, где предпочтения всегда отдаются мужчинам. Однако выбранные источники раскрывают для нас образ новой для своего времени женщины, не готовой жить в угоду обществу, стремящейся достичь высот своим трудом и способностями. Хоть приверженцы старых устоев и осуждали их мышление и поступки, такие женщины были готовы действовать в своих интересах и добиваться личных целей, а не жить так, как им навязали окружающие.

Таким образом, можно сказать, что большая часть общества была настроена патриархально. Так, женщине часто приписывалась роль домохозяйки, свобода ее действий и желаний ограничивалась – в большинстве случаев семья старалась выдать девушку замуж. Однако интересен тот факт, что с годами общество начинает меняться: появляются люди с новым типом мышления, более свободно и непредвзято относящиеся к различным жизненным ситуациям, не ориентирующиеся на общественные уклады и стереотипы при принятии решений; для женщин появляются новые возможности проявить себя и больше прав и свобод для того, чтобы самим выбирать, как им жить; общественные стереотипы в адрес женщин стали смягчаться и принимать какие-то допущения, на фоне чего роль и значимость женщины в обществе возросли. Все более явно стали появляться новые

общественные настроения, появляются женщины «нового времени» - более самостоятельные, отважные, готовые жить своей жизнью и бороться за собственное счастье.

Литература

1. Майерова М. Избранные произведения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952.
2. Пуйманова М. Сочинения том четвертый: повести и рассказы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961.
3. Пуйманова М. Люди на перепутье. Игра с огнем. М.: Правда, 1981.
4. Чапек К. Рассказы из одного кармана; Рассказы из другого кармана. М.: Художественная литература, 1974.
5. Thebaud, F.: A History of Women in the West. Vol. V. Harvard – London 2000.

Алексей Голобородько

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

(Исторический факультет, магистратура)

goloborodko.a@outlook.com

Vznik sovětského modelu socialismu v Československu

a první politický proces

Po skončení Druhé světové války v zemích Východní Evropy vytvořil zvláštní politický režim, který se měl stát základem pro vytvoření socialistické režimu sovětského typu v Československu. Charakteristickým rysem režimu "lidové demokracie" se stala koaliční vláda s povinným účasti komunistů a jejich postupné připojení k práci v orgánech veřejné moci. Tento fenomén, v kombinaci s posilováním pozic komunistické strany, se stal nezbytnou základnou pro únorový komunistický puč. Samozřejmě, že prospěch z příchodu k moci v Československu loajální k SSSR vedení bylo zřejmé, proč kvůli zhoršující se zahraničně-politickou situaci, československé komunisté se stali podle pokynů vlády SSSR pokračovat v politice konfrontace se svými partnery. Tím, že byli v co nejvýhodnější pozici pro

sebe, vyvolali vládní krizi. Po jeho skončení v zemi začalo stanovení socialismu podle sovětského vzoru.

V práci jsme analyzovali biografii Milady Horákové a proces spojený s jejím jménem. Po analýze životopis M. Horákové, jsme byli schopni nakreslit portrét nepohodlého novému režimu člověka – to je principiální člověk, milující svou práci a zemi, který je připraven jít až do konce a neprístupný hrozbám, které má prestiž na domácí i mezinárodní scéně. Tyto vlastnosti, jak se nám zdá, zaujaly i komunistické vedení, které se snažilo naklonit M. Horákovou na svou stranu. Zásadovost této ženy jí však nedovolila připojit se k řadám komunistů, kteří ji kritizovali za politiku, kterou prováděli. Ještě jako členka ČNSP se oprávněně obávala posílení vlivu komunistické strany, jejíž činnost podporoval Sovětský svaz.

Skutečným důvodem zatčení a následného přísného potrestání obžalovaných byla touha komunistického režimu zorganizovat velký politický proces. Jeho cílem bylo to, aby, za prvé, potlačit reakci, dokud to bylo dost slabé a roztroušené, za druhé, uvést, že politické síly, spojené se zeměmi Západu, odpovědnost za selhání nové vlády, za třetí, ukázat všem nesouhlasným s činností komunistického režimu, co se může stát s člověkem za účast v antikomunistickém odboji.

Obžalovaní na procesu zastoupeli nejvíce aktivní politickou opozici, a všichni dostali trest, strašák ve své krutosti: bylo dodáno 4 smrtelníci věty, 4 celoživotní trvání, a ostatní účastníci procesu byli odsouzeni na dobu od 15 do 28 let odnětí svobody.

Proces Horákové nazýváme ukázkovým příkladem toho, jak komunistická moc usilovala o posílení politického systému. Pro názornost tohoto procesu hovoří jeho masivní mediální pokrytí: největší roli v tom hrály tisk a rozhlas. Z každého zpravodajského vydání byl vybrán jeden novinář, který by se zabýval pouze osvětlením procesu. Tento novinář měl projít speciální školení na Ministerstvu spravedlnosti, přičemž jeho poznámky o procesu musí být nejprve poskytnuta na schválení na ministerstvo, a pouze pak, při úspěšném absolvování cenzury, vytisknout. Tento proces se dlouhodobě stal příkladem dokonale zmanipulované politické kauzy, kdy téměř všechny úkony byly předem dohodnuty mezi soudcem, zaměstnanci Státní bezpečnosti a státním zástupcem.

LITERATURA

1. Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа: 1949—1953: Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2002. – 686 с.
2. Proces s vedením záškodnického spiknutí proti republice: Horáková a společníci. Praha: Ministerstvo spravedlnosti. Ministerstvo spravedlnosti, Orbis. 1950. - 275 s.
3. Kaplan K. Největší politický proces: - M. Horáková a spol.“. Brno: Doplněk, 1995. - 347 s.
4. Formánková P. Vypořádali jsme se s Horákovou, vypořádáme se i s americkým broukem! Kampaň provázející proces s JUDr. Miladou Horákovou. In: Paměť a dějiny. Revue pro studium totalitních režimů. Praha : Odbor archiv bezpečnostních složek Ministerstva vnitra České republiky 1, č. 1, (2007,) s. 20-41.

Вострикова Мария
МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет
vosmaria@yandex.ru

Protikomunistický odboj v Československu: skupina bratří Mašínů

Československý protikomunistický odboj, který je také často nazýván 3. odboj, se začal formovat bezprostředně po komunistickém únorovém převratu v roce 1948. Jeho ozbrojená fáze vydržela až do poloviny padesátých let, a když o ní mluvíme, zpravidla si vzpomínáme na tak slavnou protikomunistickou organizaci, jako je skupina bratří Mašínů.

Tato ozbrojená organizace prováděla své akce v letech 1948 až 1953 na území Československa a také v Německé demokratické republice. Její vůdci byli Ctirad a Josef Mašínové, synové protinacistického odbojáře generála Josefa Mašína, který byl v roce 1942 popraven gestapem. Dalšími členy skupiny byli Milan Paumer, Zbyněk Janata, Václav Švéda, Vladimír Hradec, Zbyněk Roušar, Egon Plech a Ctibor Novák.

Hlavním důvodem vzniku skupiny byla represivní a antihumánní politika komunistů, ale její vznik byl položen rodinnou výchovou bratří Mašínů: Josef Mašín starší z dětství dal synům příklad odporu proti totalitnímu režimu a věrnosti demokratickému Československu.

Členové skupiny si kladli za cíl podkopat režim "zevnitř" prostřednictvím diverzí, které by měly poškodit hospodářství Československa a zasít ve společnosti nejistotu. Celkem skupina provedla asi šest operací, které zahrnovaly krádeže zbraní z policejních stanic, loupeže a sabotáže. Nejúspěšnější operací skupiny bylo zapálení stohů na Moravě: tehdy přes noc Ctirad Mašín a Václav Švéda zničili státní zásoby sena v hodnotě tři čtvrtě milionu korun. Existují důkazy, ukazující na to, že členové skupiny připravovali atentáty na takové vlivné komunisty, jako K. Gottwald a A. Čepička, stejně jako výbuch vlaku, který přepravoval uran a personál bezpečnostních agentur [2].

V roce 1953 pět členů skupiny uprchlo do Západního Berlína přes Východní Německo, aby se připojilo k americké armádě. Bratři Mašínové a jejich spolubojovníci věřili, že se brzy začne třetí světová válka, a chtěli spolu se silami Západu osvobodit Československo od komunismu [Rambousek 1990: 67-68]. Dostat se do Berlína a pak do USA se podařilo jenom třem členům skupiny, Mašínům a Paumerovi. Ostatní byli zatčeni a pak byli uvězněni nebo popraveni za velezradu.

Názory na skupinu podnes rozdělují českou společnost. Důvodem je to, že oběťmi akcí skupiny se stalo šest řadových policistů a jedna civilní osoba. I přes obvinění členové skupiny nepovažovali spáchané zločiny za vraždy, protože věřili, že po roce 1948 bylo Československo ve stavu občanské války, během níž každý způsob boje proti režimu byl docela oprávněný [1].

Literatura a zdroje

1. Mašín: Zabíjení lidí? Udělal bych vše stejně, nikdy jsem nepochyboval, byli jsme v občanské válce [Электронный ресурс] / Aktualne.cz. URL: <https://video.aktualne.cz/dvtv/masin- Duch-naroda-je-postizen-nadvladou-komunistu-nikdy-jsem/r~9613c6fa31f111e88560ac1f6b220ee8/> (дата обращения: 14.05.2022).

2. Otevřený dopis Josefa Mašína, Radka Mašína a Milana Paumera [Электронный ресурс] / Ústav pro studium totalitních režimů. URL:

<https://www.ustrcr.cz/aktualne/otevreny-dopis-josefa-masina-radka-masina-milana-raumera/> (дата обращения: 14.05.2022).

3. Rambousek 1990 – Rambousek O. Jenom ne strach. Praha, 1990.

Рутковская Татьяна
МГУ им. М.В. Ломоносова
(Исторический факультет, аспирантура)
rutkovskaya.tanya@yandex.ru

Charta 77 a Státní bezpečnost

Kampaň proti chartistům v souvislosti s jejich mezinárodní činností začala již v 1977, a v ní vedoucí roli hrála Státní bezpečnost.

Místa, na kterých docházelo ke kontaktům chartistů se zahraničními hosty, lze rozdělit do tří kategorií:

1. Byty chartistů
2. Zahraniční velvyslanectví
3. Soudy nad chartisty

V závislosti na místě se liší strategie činnosti orgánů státní bezpečnosti.

Jednou z forem interakce chartistů a západních kulturních a vědeckých osobností byla organizace seminářů a přednášek doma u chartistů. Pod záminkou stížností na hluk jednání mohla být přerušena, policie zadržela účastníky na několik hodin nebo dokonce dnů¹.

Tato taktika umožňuje sledovat a přerušit určité množství kontaktů, nicméně ne vždy bylo možné vysledovat přenos materiálů, a v polovině 1980 StB začala praktikovat "preventivní" zadržení chartistu v souvislosti s návštěvou Československa zahraničními osobnosti — potenciálními kontakty chartistu.

Další arénou kontaktů byly soudy, kde probíhaly procesy nad chartisty. Úřady jim odmítly možnost zúčastnit se, někteří chartisté byli zadrženi před budovou soudu, a těch pár z nich, kterým se podařilo dostat se na proces pod různými záminkami byly

¹ Výbor na obranu nespravedlivě stíhaných. S. 619.

vyhnání z budovy soudu (například za snahu vést záznamy)². Zahraniční zástupci byli ze země deportováni³.

Nejtěžší to bylo s pozvánkami chartistů na ambasádu. Jedinou šancí, jak zabránit setkání na tomto místě, je získat informace o něm předem⁴. Ale tato možnost nechyběla ne vždy a zdá se, že v tomto ohledu ve druhé polovině 1980, kdy zájem o Charta západních politických kruhů začne znovu růst, StB přejde do praxe preventivních zatčení chartistu ve dnech návštěvy zahraničních osobností do Československa.

Výbor kriticky se vztahuje k pozici, podle které nespravedlivě stíhovanými lze považovat pouze politických vězňů, protože v tomto případě je do této skupiny patří pouze část společnosti⁵. Navíc vyvstává otázka, zda byli politické vězni stíháni vždy z politických důvodů?

V tomto ohledu musíme odpovědět na otázku: podle jakých článků se chartisté zabývali v souvislosti se svými mezinárodními aktivitami a jak je pro ně výše popsaná situace relevantní?

Nejoblíbenějším článkem obžaloby byl §98 trestního zákoníku Československa — podvracení republiky⁶.

Důkaz viny v tomto případě skládá ze dvou částí — objektivní, faktické části trestného činu (například, setkání se zahraničními zástupci a přenos některé materiály) a subjektivní strany činu (tedy před soudem stál úkol dokázat, že motivy žalovaného jejich nepřátelství, a v důsledku spáchaných činů byla poškozena republika). Znění zákona je dostatečně vágní a umožňuje určitou svobodu interpretace. Byla i mírnější varianta - §112-poškození zájmů republiky v zahraničí⁷.

2 Jaroslav Pažout a kol. (eds.). CD příloha – Edice dokumentů VONS 1978–1989. Praha, 2014. S. 248.

3 Ibid.

4 Ibid. S. 1527.

5 Ibid. S. 3184.

6 Sbírka zákonů Československé socialistické republiky. Částka 65. §98 S. 480

7 Ibid. §112 S. 482

Poměrně populární byly obvinění podle článků §109 — nelegální výjezd víz republiky. Jednalo se o asistenci při výjezdu mimo republiku (spočívající v pomoci při padělání dokladů).

VONS také zdůrazňuje §105 — špionáží⁸. Ale VONS však připouští, že v řízení o tomto článku jsou možnosti výboru omezené kvůli nedostatečnému množství materiálů pro kontrolu soudního řízení⁹. I kdyby se výboru podařilo získat ověřené a podrobné informace, jeho zveřejnění by také znamenalo trestní stíhání podle stejného článku¹⁰.

Trend, kdy za politické aktivity byli disidenti stíháni podle nepolitických článků pro chartisty tedy nebyl zcela typický. Nejoblíbenějším článkem obžaloby byl článek o podvracení republiky, protože znamenal určitou svobodu interpretace.

V prvních třech letech došlo k nízké míře represe. To je způsobeno skutečností, že výbor právě začal svou práci a jeho zprávy odrážejí pouze opatření proti nejznámějším osobnostem Charty. Až do roku 1980 dochází k hladkému růstu a vrcholu v roce 1981, který je vysvětlen řadou operací StB při zadržování účastníků mezinárodních seminářů organizovaných chartisty. Pak nějaký klid v letech 1982-1984 a nové kolo represí v roce 1985 - posílení činnosti samotných chartistu v souvislosti se začátkem perestrojky v SSSR. Relativní klid v roce 1986 vystřídal vzestup v roce 1987: v souvislosti s Gorbačovovou návštěvou proběhla řada preventivních zatýkání a zatýkání chartistů. Silný růst v roce 1988 je způsoben z velké části zadržováním během demonstrací. Co se týče 1989 — za tento rok v záznamech výboru dohledat osud jen nejznámější charitu, protože zdá se, že sběr informací byl obtížen v centru dění.

StB proto začala poměrně aktivní práci na potlačování činnosti chartistů. Ve většině případů byli chartisté zadrženi, vyslýcháni a propuštěni, ponecháni však na chvíli pod dohledem. Zdaleka ne v každém případě se dostalo k soudu. Československé orgány činné v trestním řízení upřednostňovaly zadržení, výslechy a

8 Sbírka zákonů Československé socialistické republiky. Částka 65. § 105 S. 481

9 Jaroslav Pažout a kol. (eds.). CD příloha – Edice dokumentů VONS 1978–1989. Praha, 2014. S. 3184.

10 Ibid. S. 2088

sledování. Zde pozorujeme posun represivního systému od potrestání a převýchovy k tzv. «kultuře kontroly» na počátku sedmdesátých let¹¹.

Soudní procesy probíhaly převážně z politických důvodů, protože mezinárodní činnost byla poměrně obtížně vázána na neolitický zločin.

Алексей Анисимов
Институт стран Азии и Африки Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
a.pajns@yandex.ru

U počátků moderní české grafiky: Preissig, Mucha, Kupka.

Hlavním cílem této práce je představovat českou grafickou tvorbu počátku dvacátého století v celé její šíři a bohatosti. Tato práce považuje období utváření základů moderní české grafiky za klíčovou etapu jejího vývoje.

Pojem se obvykle velmi zjednodušuje a bere se chronologicky, asi tak po padesátých letech devatenáctého století, kdy podle uměleckých historiků začíná éra moderního umění. Umění je ale příliš svébytný projev lidského ducha, aby se dalo omezovat nějakými strohými daty. Budeme-li se ale nyní zabývat moderním uměním, pak nezbyvá, než přece jen, třeba s nechutí, přijmout nějakou tu časovou hranici kolem roku 1850 [Marco 1981: 221].

Zásluha obrody umění patří Francii. Několik novátorů se tu spojilo s hlasy mnohých. Tiskaři si vzpomněli na lepší minulost, nakladatelé si uvědomili svou povinnost podporovat. Velkým popudem k poučení bylo znovuobjevení japonského dřevořezu. Jasnost jeho pojetí, jednoduchost a přesnost jeho linií, úspornost výrazu, to všechno byly dobré vzory pro novou grafiku [Marco 1981: 222].

Práce tedy představuje biografie Alfonse Muchy, Vojtěcha Preissiga a Františka Kupky. Tito tři umělci samozřejmě nepředstavovali plnost tehdejší české grafiky, ale rozbor jejich tvůrčí činnosti odhalí formování určité komunity grafiků.

Alfons Mucha je hlavní představitel secese. Po velmi skromných začátcích odešel v roce 1887 po studiích v Mnichově do Paříže. V Paříži se prosadil především

11 Nejasné vztahy moci – vězení očima českých dozorců // Sociologický Časopis. 2014. Vol. 50, No. 1. S.87.

jako tvůrce četných plakátů velmi dekorativního designu, z nichž nejznámějšími jsou plakáty pro divadlo Sarah Bernard Theatre. Kolem roku 1900 v Paříži kromě již zavedeného termínu Art Nouveau přijalo nové umění termín Muchův styl. Mucha se také zřídka věnoval knižní ilustraci [Marco 1981: 277].

Vojtěch Preissig měl dramatickou životní dráhu. Na doporučení Ludka Marolda dostal k práci v ateliéru Alfonse Muchy. V Praze nebyl žádný zájem, a proto Preissig vydal album až roku 1906 v USA. Po první světové válce se chtěl Preissig vrátit do Prahy, se pro něho nenašlo místo a zůstal ještě nějakou dobu v Americe. Až roku 1935 dostal Preissig cenu Akademie, která mu umožnila si pořídit vlastní atelier. Listy, o které byl za jeho života tak malý zájem, patří dnes k nejdražším listům české grafiky [Marco 1981: 278].

František Kupka je malíř, grafik a ilustrátor světového významu. V roce 1895 se usadil v Paříži. S přestávkami pak žil ve Francii celý svůj život. Kupka byl výtečným kreslířem a pracoval v pařížských počátcích pro malé. Velká část jeho bojovných, až naturalistických kreseb byla zaměřena sociálně a ostře proticírkevně. Po válce krátce působil úředně v Praze, ale nebyl tu spokojen kvůli nezájmu o jeho díla. Základní Kupkův přínos světovému umění je v nefigurativní malbě a grafice [Marco 1981: 279].

Po prozkoumání biografii těchto vynikajících grafiků lze identifikovat následující zákonitosti charakteristické pro vývoj moderní české grafiky v počáteční fázi jejího vývoje. Hlavní je orientace na Francii a další vyspělé země západní Evropy. Lze tedy prozradit, že grafika v České republice na konci devatenáctého století a na počátku dvacátého století teprve nabývala uměleckého významu. Pro toto období je však charakteristické aktivní vzájemné pronikání výtvarných kultur evropských států.

Také Alfons Mucha, Vojtěch Preissig a Františka Kupka tedy nebyli vybráni náhodou. Díky analýze jejich tvůrčí činnosti se podařilo identifikovat hlavní trendy ve formování moderní české grafiky a co nejvíce se přiblížit k dosažení cíle této práce.

LITERATURA

1. Чешская и словацкая эстетика XIX-XX вв.: в 2-х т. Т. 2 Чешская и словацкая эстетика XX века - М.: Искусство, 1985.

2. Jiří Bouda, Jaroslav Kaiser, Miroslav Kudrna. Česká grafika XX. století. Sdružení českých umělců grafiků Hollar, Praha, 1997.
 3. Marco, Jindřich. O grafice: kniha pro sběratele a milovníky umění. Praha: Mladá fronta, 1981.
 4. Pešina, Jaroslav. Česká moderní grafika. Sdružení českých umělců grafiků Hollar, Praha, 1940.
-

Василенко Мария
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Исторический факультет. Кафедра южных и западных славян.
Магистратура)
vmasha1999@yandex.ru

Wyobrażenia o Kozakach w regionie przygranicznym **w połowie XVII wieku.**

Tematem mojego dzisiejszego referatu jest opinia społeczeństwa o Kozakach, kształtująca się szczególnie aktywnie w związku z powstaniem Bohdana Chmielnickiego. Problem badawczy polega na tym, czy był jednoznaczny obraz Kozaków w reprezentacji szerokich mas mieszkańców regionu przygranicznego? Czy zbiegał się z rolą społeczną, którą przypisywali sobie sami Kozacy?

W związku z wybuchem powstania radykalnie zmieniają się stosunki między Państwem Moskiewskim a ziemiami ukraińskimi. Jeśli wcześniej te ostatnie były jednoznacznie częścią innego państwa, teraz zaczęły domagać się bliskich stosunków sojuszniczych, a ponadto przyłączenia się do Państwa Moskiewskiego. Jak w związku z tym zachowują się wobec sąsiedniego państwa główni inicjatorzy "fuzji" - Kozacy? Jak ich zachowanie jest interpretowane przez mieszkańców ziem ukraińskich? przez przedstawicieli władzy?

Źródłem naszych badań były opublikowane materiały korespondencji między przedstawicielami władz państwa moskiewskiego i Rzeczypospolitej w strefie przygranicznej, listy wojewodów przygranicznych do władcy Moskiewskiego i «przemówienia pytające» («распросные речи»).

W związku z tym sformułowaniem problemu badawczego należy starać się jak najjaśniej – o ile to możliwe – określić, początkowo w jaki sposób Kozacy są postrzegani w tym czasie. Jeszcze od początku XVI wieku zaczęli pozycjonować się jako "obrońcy prawosławia", sprzeciwiający się "Unii szkodzącej duszy", jako jednemu z przejawów nienawistnej "wiary łacińskiej". Opłakana sytuacja, w której wiara prawosławna znalazła się na terytorium Rzeczypospolitej po przyjęciu Unii, nie była obojętna dla ludności prawosławnej ziem ukraińskich i białoruskich, ale to Kozacy, których główne zajęcia dotyczyły dziedziny wojskowej, ogłosili się "obrońcami wiary prawosławnej" i należy uznać (признать), że ich status był wielokrotnie potwierdzany przez samych przedstawicieli Kościoła Prawosławnego.

Biorąc pod uwagę taki wysoki status nominalny i szlachetne ambicje, rzeczywiste zachowanie znacznej części Kozaków, jeśli nie wszystkich, temu nie odpowiadało, o czym wyraźnie świadczą informacje o zachowaniu Kozaków w regionie przygranicznym. Pierwszym i jedynym z najbardziej uderzających faktów, na które należy zwrócić uwagę, jest to, że Kozacy byli w rzeczywistości jedynymi przedstawicielami "zwykłego ludu", którym wojewodowie zarzucają sam fakt przekroczenia granicy – zarówno "królewskim", jak i "carskim". Kozacy są pod ścisłą kontrolą władz po obu stronach granicy. Taka sytuacja sama w sobie świadczy o uprzedzeniach władz wobec kozaków. Na czym to polega?

Jak dowodzą przesłuchania, Kozacy napotkani przez chłopów i kupców na drogach po obu stronach granicy są przez nich zupełnie sprawiedliwie postrzegani jako «zagrożenie», ponieważ Kozacy atakują podróżujących, zabierają mienie, w przypadku oporu czasami nie ograniczają się do bicia, ale dokonują morderstwa. W związku z tym nic dziwnego, że "złodzieje Czerkiesów" wywołują masową dezaprobatę dla ich zachowania i są pod ścisłą kontrolą władz[1].

Niemniej jednak ogromna liczba dowodów na "pogrom kozacki" w dziwaczny sposób łączy się z równie masowymi pozytywnymi ocenami Kozaków i ich działalności. Kozaków nagradzają różnymi przydomkami od "pieprzanych dzieci" do "obrońców wiary prawosławnej", przy czym to ostatnie brzmi nie tylko z ust przedstawicieli hierarchii kościelnej, co można by uznać za bardziej oczekiwane i naturalne, ale znacznie częściej z ust chłopów, mieszczan i innych obywateli, którzy informują o tym, jak kozacy przeciwstawiają się szlacheckiej katolickiej woli w

miastach, zwracają sprzęty kościelne w świątynie, albo po prostu karają za wyrządzone szkody[3].

Przed wybuchem powstania Bohdana Chmielnickiego i przez prawie cały pierwszy rok powstania podróżni w regionie przygranicznym są atakowani przez kozaków nieco rzadziej niż przez zbójników. Często ich ofiarami są bogaci kupcy, zamożni chłopci jadący na targi lub wracający z nich, rzadziej wysłannicy carscy, którzy mają przy sobie wiele kosztowności. Dokumenty, które zbadałam, wskazują, że Kozacy uzasadniają takie działania tą samą "wojną o prawosławie", ponieważ podczas takich napadów najczęściej kradną broń, konie i produkty do długotrwałego przechowywania, pieniądze, rzadziej inne kosztowności. Specyficzny wybór ofiar takich ataków czasami powoduje aprobatę ludzi o niższym statusie społecznym. W ich oczach ci, którzy przeprowadzają takie ataki, stają się "czerkaskimi brawami", "porywczymi brawami" itp[2].

Należy zwrócić szczególną uwagę na fakt, że walka z rozbojem przygranicznym po uzyskaniu powszechnego autorytetu przez Bogdana Chmielnickiego zaczęła być prowadzona znacznie skuteczniej, ponieważ Kozacy odtąd nie tylko nie "psocili" sami, ale także kontrolowali i powstrzymywali działania rabunkowe innych. Chmielnicki wydał rozkaz "aby nie naprawili nieprawdy; a chto weźmie pod uwagę z naszej strony, aby naprawić nieprawdę, tak samowolnie kazali ciąć głowy", działania te najwyraźniej okazały się dość skuteczne. Ponadto Hetman zapewnił władze moskiewskie o swoim usposobieniu do nich: "jesteśmy stałymi bywalcami z całym naszym wojskiem zaporoskim, jako chrześcijanie z chrześcijanami, życzymy miłości" [1].

Podsumowując, należy zauważyć, że Kozacy, którzy przed powstaniem byli rzeczywiście plagą prawie cięższą niż złodzieje, po tym, jak armia Chmielnickiego zyskała siłę i autorytet, zaczęli pełnić rolę obrońców porządku skuteczniej niż przedstawiciele polskiej i rosyjskiej władzy oficjalnej. Kontrowersyjne zachowanie kozaków powoduje równie sprzeczne ich oceny ze strony zwykłych mieszkańców terytoriów przygranicznych, przy czym niejednoznaczne określenia przyznano im na długo przed tym, jak złodzieje zamienili się w siłę zapewniającą bezpieczeństwo. Skłonność do przemocy w ich działaniach jest dziwnie połączona z ortodoksyjną retoryką, na której sami się opierają i którą rozpowszechniają. Wiara prawosławna

staje się podstawą, na której opiera się ich współistnienie i współdziałanie z chłopstwem małosyjskim i "Carskim", choć nie zawsze "gładko".

Литература

- 1) Акты, относящиеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической комиссией. Т.3. 1638-1657. СПб, 1861.
- 2) Акты, относящиеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической комиссией. Т.4. 1657-1659. СПб, 1863.
- 3) Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 2. 1648-1651. М.: АН СССР, 1953.

Фадеев Иван
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Исторический факультет. Кафедра южных и западных славян.
Магистратура)
ifadeyev@yandex.ru

Ideologiczne poglądy kierownictwa Konfederacji Barskiej

Na początku konieczne jest określenie, co rozumiemy przez sam termin "ideologia". Kiedy używamy tego pojęcia w kontekście Konfederacji Barskiej, nie możemy mieć na myśli współczesnego zrozumienia ideologii politycznej, ponieważ jest ona zupełnie nieistotna dla XVIII wieku. Każda "ideologia Konfederacji Barskiej" jest możliwa tylko jako mentalność, jako siatka wartościowo-semantyczna określająca stosunek jednostek do tego świata i szeregu pojęć.

Wszystkie tezy w dokumentach kierownictwa konfederatów barskich można podzielić na trzy ramowe grupy semantyczne:

- Religijne – to odwołanie do wiary katolickiej i ogólnie chrześcijaństwa.
- Szlacheckie – to odwołanie do prawa Rzeczypospolitej i stałości ustroju państwa, a także do ideologii sarmatyzmu. Rozumiemy przez to niepisane normy moralności i tradycyjne dla polskiej szlachty wyobrażenia o porządku świata.
- «Narodowe» – to najbardziej niesprecyzowana kategoria, do której odnosi się odwołanie do różnych kryteriów podziału ludzi na grupy narodowe.

Na pierwszy rzut oka podłoże religijne powstania Konfederacji Barskiej może wydawać się oczywiste. Formalnym pretekstem do rozpoczęcia działań konfederatów była kwestia praw dysydentów religijnych w Rzeczypospolitej. Poważnym argumentem do tego była przytłaczająca religijność większości przedstawicieli szlachty. Ale czy można uznać, że religia była w rzeczywistości jednym z powodów rozpoczęcia działań wojennych? Na ile decydujący był czynnik katolickiego światopoglądu, np. Kazimierza Puławskiego w jego działaniach? Wydaje nam się, że dla większości Generalitat i przywództwa Konfederacji była to tylko niezwykle korzystna okazja, dzięki której można było dotrzeć do świadomości większości prawdziwie wierzącej szlachty.

Retoryka obrony zarówno praw Rzeczypospolitej i jej klas, jak i wartości klasy rządzącej występuje bynajmniej w mniejszym zakresie. Wydaje nam się, że jest to równie ważna technika przyciągania na stronę konfederatów siły żywej. Na przykład, wzywając do przywrócenia przywilejów szlacheckich i ścisłego przestrzegania tradycji polskich w niektórych dokumentach, biskup Adam Krasiński w innych dokumentach wprost wzywał do przeciwnych, sprzecznych z tym czynów.

Mówiąc o «Narodowym» wśród przywódców Konfederacji, mówimy przede wszystkim o odmiennych poglądach, ale nie o ideologii mającej narodowe tło, które jest charakterystyczne dla XIX i XX wieku. Nacjonalizm np. każdego magnata-konfederata jest raczej zespołem odmiennych wyobrażeń o naturze narodu polskiego, jego roli w ramach Rzeczypospolitej i innych obcych państw. Ta warstwa mentalna jest jeszcze surowa, w jej ramach trudno mówić o jakiejś wyraźnie ukształtowanej ideologii.

Tutaj przechodzimy do zjawiska charakteryzowania wszystkich działań konfederatów, którzy faktycznie działali, po pierwsze, każdy sam za siebie, a po drugie, z czysto praktycznych potrzeb. Działania Konfederacji Barskiej są w zasadzie słabo podporządkowane jasnej ideologii z powodu braku powstania jedyne dowództwa. W rzeczywistości każdy przywódca Konfederacji miał swoją ideologię, która mogła być religijna, szlachecka, ogólnokrajowa itp.

Tak więc, jeśli starać się ujawnić jakąkolwiek wspólną podstawę ideologiczną przywódców Konfederacji Barskiej, to jest to "patriotyzm". Patriotyzm jest najbardziej abstrakcyjny i konwencjonalny, rozumiany przez każdego z nich w swoim własnym paradygmacie.

Литература

1. Барт Р. S/Z. М., «Академический проект», 2009
2. Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., Институт славяноведения РАН, 2002
3. Носов Б. В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., Индрик, 2004
4. Konfederacja barska. Wybór tekstów. Kraków, Zakł. narod. im. Ossolinskich, 1928.
5. Literatura Konfederacji Barskiej. Tom 3: Wiersze. Warszawa, DiG, 2008.

Долгих Дарья
ФГБОУ ВО РГУ им. А.Н. Косыгина
(факультет славяноведения и культурологии, бакалавриат)
d.n.dolgikh@yandex.ru

Historia Polski w obrazach Jana Matejki

Jan Matejko jest jednym z najwybitniejszych polskich malarzy, a jego twórczość stanowi apogeum malarstwa historycznego Polski. Na swoich płótnach uchwycił historię kraju w momentach jego wzlotów i upadków. Jego dzieła od ponad stu lat kształtują historyczny obraz świata Polaków. Oczami artysty widzimy bitwę pod Grunwaldem, Unię Lubelska, Hołd Pruski i wiele innych wydarzeń, które miały miejsce we współczesnej mu Polsce i jej historycznej przeszłości.

Jan Alojzy Matejko urodził się dwudziestego czwartego czerwca w Krakowie, w domu przy ulicy Floriańskiej. Przyszły artysta od młodości był nasycony kultem starożytności i zainteresował się czytaniem książek o archeologii i historii. Jego sukcesy w naukach gimnazjalnych i językach były mierne. Natomiast w rysunku i malarstwie zdolności Matejki już w dzieciństwie przejawiały się z taką siłą, że już wtedy wyczuwał się w nim wyjątkowy, graniczący z geniuszem talent artystyczny.

Chcąc doskonalić się w sztuce malarstwa, Matejko w 1859 wyjechał do Monachium, wkrótce potem w 1860 do Wiednia. Dzięki wybitnej indywidualności

Matejko wyróżniał się korzystnie ze środowiska artystów zagranicznych, w którego towarzystwie znalazł się wówczas.

Historia, podobnie jak malarstwo historyczne, jest zawsze ściśle związana z życiem społeczno-politycznym. Na twórczość Jana Matejki wpłynęły wydarzenia zachodzące we współczesnej mu Polsce. W trakcie życia zachodziły zmiany w światopoglądzie artysty. Młodość Matejki zbiegła się z ostrą walką o kierunek Narodowy w sztuce i o ideologię narodową, która toczyła się w społeczeństwie polskim na początku drugiej połowy XIX wieku.

Pierwsze historyczne obrazy Matejki (1853-1861) charakteryzowały się jeszcze prostoliniową opisowością, pewnym schematyzmem kompozycji i rozmieszczeniem postaci zastygłych w statycznych pozach. Matejko nie miał jeszcze trzydziestki, gdy uzyskał międzynarodową sławę i uznanie, a Francuska krytyka umieściła go wśród najwybitniejszych mistrzów malarstwa historycznego w Europie. Pierwszy sukces odniósł artysta w 1865 roku, kiedy na dorocznym Salonie Paryskim zdobył złoty medal klasy I za obraz "Rejtan na sejmie warszawskim 1773 roku".

Proces szybkiego kształtowania ideowego i artystycznego Matejki przypadł na okres przed Powstaniem Styczniowym. Patriotyczne demonstracje w Warszawie i nowo rozbudzone nadzieje Polaków na odzyskanie niepodległości wywarły głęboki wpływ na młodego artystę. Malowane jeden po drugim obrazy "Stańczyk" (1862), "Kazanie Skargi" (1864) i "Rejtan na sejmie warszawskim" (1866) tworzą rodzaj historiozoficznego tryptyku: przewidywanie katastrofy narodowej — wezwanie do opamiętania — tragiczne rozwiązanie. Po raz pierwszy w twórczości artysty przejawiają się refleksje historiozoficzne oparte na zrozumieniu historii jako nierozzerwalnego łańcucha uwarunkowanych sobą wydarzeń. Matejko widział przyczyny katastrofy narodowej końca XVIII wieku w niewykorzystanych wcześniej zwycięstwach wojskowych i błędach polskich polityków. Ostatnim obrazem artysta zakończył okres poszukiwania odpowiedzi na pytanie o przyczyny zniszczenia Rzeczypospolitej.

Dzieła programowe Matejki uzupełniają dziesiątki mniejszych prac, które artysta napisał pod wpływem lektury kronik historycznych i własnych refleksji nad przeszłością. Obrazy te wyraźnie pokazują główny obszar zainteresowań mistrza: są to głównie zawile losy dynastii Piastów, a także wydarzenia złotego wieku polskiej

культуры и науки в czasach panowania ostatnich Jagiellonów — Zygmunta I Starego i Zygmunta Augusta.

Jan Matejko żył krótko: zmarł w wieku 55 lat. Dziedzictwo pozostawione przez artystę jest wielkie i znaczące nie tylko dla jego ojczyzny. W swoich ogromnych, spektakularnie wyreżyserowanych kompozycjach batalistycznych i historycznych artysta osiąga efektowny dramat akcji, obfitujący w ekspresyjne układy postaci i wiarygodne szczegóły historyczno-bytowe.

Szczyt rozwoju możliwości twórczych i umiejętności zawodowych artysty przypadł na okres 1865-1884. następnie w pracach Matejki zaczęto obserwować stopniową transformację jego indywidualnego stylu w "sposób pisania". W wielu późniejszych utworach Matejki brakuje siły ekspresji, która zawsze wyróżniała jego twórczość.

LITERATURA

1. Леонтьев С. Ян Матейко. — М. : Энциклопедия живописи, 2008.
2. Ciciora-Czwórny B. Jan Matejko. — Kraków. : BOSZ, 2005. — 95 s.
3. Krawczyk J. Matejko i Historia. Warszawa : Inst. sztuki Pol. akad. Nauk, 1990. — 226 s.
4. Piatkowski H. Współczesne polskie malarstwo / H. Piatkowski. — Warszawa : Prasa, 1959. — 300 s.

Ася Лейдерман
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Исторический факультет, бакалавриат)
leiderman.asya@yandex.ru

Взгляд на культурную жизнь христианской Варшавы со стороны еврейской газеты на идише "Хайнт", 1908-1909 гг.

Как свидетельствуют публиковавшиеся в «Хайнте» материалы, читателям газеты была далеко не безразлична культурная и религиозная жизнь их христианских соседей. В первую очередь поляков, что объясняется во многом тем, что совместное проживание иудейской и католической общин имело

многовековую историю, евреи занимали важные ниши в повседневной жизни Варшавы (торговля, сфера обслуживания и т.д.). Поэтому можно говорить о существовании между ними взаимного предубеждения, но не пропасти. Иное дело православная часть христианской общины, в основном представленная чиновным людом, приезжающим в Варшаву на период службы. Они испытывали предубеждение в отношении католиков, а от евреев их отделяло непреодолимое расстояние. И поэтому их культурная или общественная жизнь не была интересна читателям «Хайнта».

Еврейское население Варшавы ориентировалось в основных христианских праздниках, потому что от этого зависела и его повседневная жизнь. Время от времени в «Хайнте» даже публиковались репортажи с праздников христианских соседей. Например, в одном из них рассказывалось о католическом карнавале. Автор статьи пишет, что сейчас у христианского населения Варшавы настоящий праздник – все вокруг танцуют, поют и веселятся, повсюду проходят балы. На фоне всеобщего веселья от автора не ускользает тот факт, что и у польского населения сейчас много проблем: высокие цены, низкие заработки, массовая эмиграция, переход польской земли в руки немцев. Будущее подавляющей части небогатых поляков весьма туманно, несмотря на это, такого карнавала, как в этом году, Варшава ещё не видела. [Наупт. № 32: 3].

Помимо праздников, в «Хайнте» освещались и другие события, происходившие в Варшаве у христианских соседей. Например, Второй славянский съезд, который собирались провести в Варшаве в 1908 г. [Наупт. № 187: 3] или похороны польской писательницы Ядвиги Луцевской с участием около 40 тыс. человек [Наупт. № 209: 3]. В «Хайнте» регулярно публиковались анонсы польских мероприятий, на которых, видимо, ожидали и евреев.

Конечно, читателей «Хайнта» больше интересовали не истории о бедных поляках, а сплетни о польском аристократическом обществе. В газете существовала рубрика с говорящим названием «Секреты Варшавы», где размещали материалы якобы из жизни польского высшего света. Приведём образец подобной сенсационной истории: недавно произошёл скандал между купцом Б и одной из «звёзд» варшавского богемного мира, которая недавно вернулась из Парижа. Он увидел её в театре и так восхитился её красотой, что

купил ей квартиру. Она начала использовать его и тянуть из него деньги, в итоге у купца начались проблемы с деньгами, и красавица исчезла [Наynt. № 251: 5]. В общем, еврейскому читателю «Хайнта» было интересно, что происходит за дверями высшего света Варшавы, которые были для него плотно закрыты.

В жизни польской Варшавы того времени важную роль играла пресса. «Хайнт» следил за тем, что публикуется в газетах их польских коллег и регулярно перепечатывал оттуда новости, особенно если они касались таких необычных событий, как приезд персидского принца («Курьер Варшавски») [Наynt. № 286: 3]. Однако редакциях польских газет случались и менее приятные события, такие как обыски и задержания.

После революции 1905 г. над польской и еврейской прессой усилилась правительственная цензура, что значительно сдерживало развитие еврейской и польской прессы в Российской империи. «Хайнт» писал о цензурных ограничениях, затрагивавших как еврейские и польские, так и русские издания. Так, в одной из заметок сообщается о том, что Петра Виломовского, редактора газет «Сегодня» («Dziś») и «Общество» («Społeczeństwo») освободили после месячного содержания под стражей [Наynt. № 187: 3], а русскую газету «Варшавское эхо» по приказу генерал-губернатора закрыли на две недели [Наynt. № 48: 3].

Говоря о христианском мире на страницах «Хайнта», мы имеем в виду, в основном, католический польский мир. Материалов о русских и православии в Варшаве на страницах «Хайнта» практически нет. Это может говорить как о немногочисленности русского населения, так и о том, что оно было сконцентрировано в администрации города, информации о частной жизни которой практически не было. Конечно, в Варшаве начала века существовали русские клубы, где регулярно проходили мероприятия, которые посещали и важные гости, как, например, депутат Думы от русского населения Варшавы С. Н. Алексеев [Наynt. № 17: 3], но они были закрыты не только для евреев, но и для подавляющей части поляков. Несмотря на то, что русских в Варшаве было немного, они играли важнейшую роль в городской административной жизни. В частности, расписание работы магистрата зависело именно от православных, а не католических праздников.

Литература:

Наynt. № 187, 01.09.1908.

Наynt. № 209, 28.09.1908.

Наynt. № 251, 20.11.1908.

Наynt. № 286, 31.12.1908.

Наynt. № 17, 02.02.1909.

Наynt. № 32, 19.02.1909.

Наynt. № 48, 10.03.1909.

Анна Лаврова
Дипломатическая академия МИД России
(факультет “Международные отношения и международное право”,
бакалавриат)
analavrova369@mail.ru

Rola ruchu Solidarności w historii Polski

Solidarności
W walce o prawa
Solidarności
W pracy dla chleba
Solidarności
W nauce po mądrość
Dla dobra Kraju
Dziś nam potrzeba
Marek Grechuta "Solidarność"

Organizacja "Solidarność", od której rozpoczął się demontaż reżimu komunistycznego w Polsce i Europie Wschodniej powstała w 1980 roku.

Wydarzenia, które doprowadziły do obalenia ustroju komunistycznego w RP, rozpoczęły się 41 lat temu od strajku w Stoczni im. Lenina w Gdańsku. Niezadowolenie z systemu socjalistycznego narastało od lat, ale powodem strajku był gwałtowny wzrost cen żywności.

14 sierpnia 1980 kilka tysięcy robotników zajęło zakład i pozostało na jego terenie przez ponad dwa tygodnie. Dołączyli do nich pracownicy innych firm dańskich, a później także innych miast. Przywódcą protestujących był Lech Wałęsa- elektryk, który był wielokrotnie aresztowany za działalność na rzecz praw robotników.

Rząd nie mógł zignorować masowej manifestacji robotników i był zmuszony zgodzić się na negocjacje ze strajkującymi. W rezultacie robotnicy uzyskali prawo do utworzenia Niezależnego Związku Zawodowego i walki o swoje prawa m.in. poprzez strajki.

"Porozumienia Gdańskie" sprawiły, że walka polityczna robotników w całej Polsce stała się legalna – a 17 września 1980 przedstawiciele komitetów strajkowych z różnych regionów kraju ogłosili powstanie Niezależnego Samorządnego Związku Zawodowego, który otrzymał nazwę "Solidarność". Do czasu oficjalnej rejestracji ruchu należało do niego 7 milionów ludzi, a wkrótce w "Solidarności" było około jednej czwartej całej ludności Polski.

Powstanie i działalność "Solidarności" były wynikiem owocnego sojuszu między robotnikami a Kościołem Katolickim. W 1979 po raz pierwszy w historii papieżem został Polak. Podczas wizyty w Polsce Jan Paweł II wypowiedział słynne słowa: "Nie lękajcie się!" Polacy odebrali to jako wezwanie do politycznej odwagi i walki o swoje prawa.

"Gdybyśmy zdefiniowali demokrację jako sytuację, w której obywatele mogą wpływać na los swojego kraju poprzez aktywne uczestnictwo w życiu publicznym, musielibyśmy zgodzić się z tymi, którzy twierdzą, że między sierpniem 1980 r. a grudniem 1981 r. Polska mogła być najbardziej demokratycznym miejscem na Ziemi"[Jan Sowa: 94].

Na początku grudnia 1981 roku kraje Układu Warszawskiego przyjęły Oświadczenie o "braterskiej solidarności" z przywództwem Socjalistycznej Polski w walce z "trudnościami". Wkrótce Prezes Rady Ministrów PRL Wojciech Jaruzelski zapowiedział wprowadzenie w Polsce stanu wojennego. "Solidarność" została zakazana; przywódcy ruchu zostali aresztowani.

Ruch przeszedł do podziemia. Lech Wałęsa spędził rok w więzieniu, ale po zwolnieniu nadal był prześladowany. W 1983 roku przyznano mu pokojowa Nagrodę Nobla.

“Polska na początku lat 1980 zmierzała w kierunku rewolucji, która mogłaby dramatycznie zmienić stosunek sił i krajobraz ideologiczny w Europie. Być może przesadą byłoby stwierdzenie, że zniosłaby globalne panowanie kapitału, ale nie pozwoliłaby na tak bezwzględny triumf neoliberalizmu w 1990 roku. Ona zachowała alternatywę” [Jan Sowa: 178].

Stan wojenny w Polsce utrzymywał się do lipca 1983 roku. Ale "Solidarność" nadal istniała i nie zrezygnowała z pokojowej walki z władzami. Do 1989 roku, kiedy sytuacja po raz kolejny się pogorszyła, jedynym wyjściem z kryzysu były negocjacje z "Solidarnością". Ich skutkami była legalizacja "Solidarności" i przeprowadzenie reform politycznych.

Strony osiągnęły kompromis: były premier Wojciech Jaruzelski objął specjalnie ustanowione stanowisko prezydenta Polski na sześć lat. W Sejmie ustalono kwoty dla rządzącej Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej. Ale w wyborach do Senatu "Solidarność" zdobyła 99 miejsc na 100.

27 stycznia 1990 nowym premierem został członek "Solidarności" Tadeusz Mazowiecki, a w wyborach prezydenckich wygrał Lech Wałęsa.

Zakończenie rozmów przy Okrągłym Stole, uznanie przez władze polskie i radzieckie wyników czerwcowych wyborów, a także utworzenie rządu Tadeusza Mazowieckiego wywołało Efekt domina w krajach europejskich bloku komunistycznego. Polski model uutorował drogę umowom legalizującym opozycję, wolne media i wolne wybory w innych krajach.

Jeszcze w 1989 roku ogłoszono niepodległość Węgierskiej Republiki Ludowej, mieszkańcy Berlina na oczach całego świata zburzyli Mur Berliński, przywódca aksamitnej rewolucji w Czechosłowacji Vaclav Havel ogłosił niepodległość Czechów i Słowaków. Za Polską podążyła Bułgaria i zorganizowała rozmowy przy okrągłym stole, które doprowadziły do wolnych wyborów wiosną 1990 roku. W maju wolne wybory odbyły się również w Rumunii.

7 lipca Sejm ogłosił 31 sierpnia uroczystym dniem Solidarności i wolności.

"Solidarność" nieprzypadkowo kojarzy się z ruchem na rzecz wolności rozpoczętym w 1980 roku. Potrzeba okazywania solidarności jest widoczna w historii Polski, zarówno przed powstaniem związku zawodowego, jak i we współczesnej i wolnej Polsce, która aktywnie uczestniczy w misjach, operacjach cywilnych i wojskowych UE, ONZ, OBWE i NATO.

Literatura

1. Jan Sowa. "Inna Rzeczpospolita jest możliwa!" /Wydawnictwo W.A.B., Warszawa, 2015. - 295 s.
2. Jan Sowa. "Solidarność 2.0, czyli demokracja jako forma życia" /Wydawnictwo W.A.B., Warszawa , 2019. - 208 s.
3. Mikołaj Gliński The Solidarity Movement: Anti-Communist, Or Most Communist Thing Ever?[Электронный ресурс] //Culture.pl. 2015. 21 сентября. URL: <https://culture.pl/ru/article/solidarnost-antikommunisticeskoe-ili-kommunisticeskoe-avlenie> (дата обращения: 10.05.2022).

Басуева Лидия
ФГБОУ ВО РГУ им. А.Н. Косыгина
(факультет славяноведения и культурологии, бакалавриат)
lbasueva@mail.ru

Henryka Łowmiańskiego koncepcja etnogenezy słowiańskiej

Henryk Łowmiański – wybitny polski uczyony 20 wieku, światowy autorytet w dziedzinie wczesnej historii Słowian i Bałtów. Henryk Łowmiański znany rosyjskiemu czytelnikowi głównie dzięki dwóm przetłumaczonym pracom «Religia słowian i jej upadek» które stymulowały badania porównawcze (Warszawa, 1979),. Przeanalizowano w niej konfrontację między rdzennie słowiańską religią i chrześcijaństwem w VI-XII wieku. Druga praca to i "Ruś i normanowie", w której dokonał dokładnej analizy kwestii normańskiej.

W związku z tym wydaje się nieuzasadnione zapomnienie o jego największej pracy "Początku Polski", w której naukowiec nie pozostawił zamieścił żadnego nieuzasadnionego świadectwa i prześledził rozwój polskiej historii i społeczeństwa w pierwszym tysiącleciu ery chrześcijańskiej. Niestety praca ta nie została przetłumaczona na język rosyjski ani w całości, ani częściowo. "Początki Polski" obejmują wiele aspektów, na które warto zwrócić uwagę, ale w ramach jednego

artykułu nie jest to możliwe, dlatego przyjrzyjmy się bliżej koncepcji etnogenezy słowiańskiej, którą Łowmiański przedstawia w pierwszym tomie swoich badań¹².

Ważnym punktem w koncepcji słowiańskiej etnogenezy Łowmiańskiego jest jego wyjaśnienie, że pojęcie etnogenezy jest zmienne i należy je analizować historycznie, biorąc pod uwagę chronologię. Dołączając do wcześniej opracowanej teorii wiślano-dnieprzańskiej L. Niederle, Lovmiansky przedstawia analizę pism językowych na temat enogenezy. W kontekście autochtonizmu teorii wiślano-dnieprzańskiej Łowmiański wyróżnia trzy koncepcje wymieniające różne praojczyzny Słowian,:

* teren pomiędzy Wisłą, Prypecią, Karpatami i Dnieprem z centrum na Wołyniu

* obszar dorzeczy Dniepru i Prypeci,

* terenu rzek Wisły i Odry, nie obejmujące dorzecza Dniepru.

Według Łowmiańskiego, aby wyjaśnić kwestię ojczyzny, należy mówić o pewnym wyborze dyscyplin, które dostarczają materiału do interpretacji, uważając, że warto zwrócić większą uwagę na historię i językoznawstwo, w tym czas gdy Etnografia, Historia i Prawo dają tylko echa informacji.¹³

Opierając się przede wszystkim na materiałach polskiego językoznawcy T. Lehra-Spławińskiego Henryk Łowmiański zgadza się z jego ustaleniami na podstawie źródeł pisanych, że Słowianie mieli mieszkać w dorzeczu Wisły i Odry od z zachodu na południowy wschód, na terenie Wołynia i Podola, włączając także o terytorium środkowego dorzecza Dniepru¹⁴. Świadectwem wczesnego przybycia Słowian nie tylko nad Odrę, ale także nad Bałtyk Łowmiański widzi w genezie imion Wenedów. Zgadza się i z naukowcem T. Milewskim, który rozważał stosunki językowe Słowian z innymi narodami indoeuropejskimi, ustalając taką kolejność; Bałtowie, Irańczycy, Germani, Iliryjczycy, co świadczy o silniejszym wpływie wschodnim na Słowian.

12 Гжесик Рышард Этногенез славян в польской исторической рефлексии XX-XXI вв // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2017. №2 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnogenez-slavyan-v-polskoy-istoricheskoy-refleksii-hh-hhi-vv> (дата обращения: 11.05.2022).

13 Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e. T. 1. Warszawa, 1963. S. 70–71

14 Пашуто В. Т. Труды польского академика Х. Ловмянского по истории народов Восточной Европы // Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 15.

Łowmiański twierdzi, że Słowianie powstali jako odrębna grupa etniczna ze względu na mieszanie słowiańskiego "fragmentu" Słowian bałtyjskich ze staroeuropejską ludnością, podczas gdy Bałtowie pochłonęli podobną staroeuropejską narodowość, ale już w późniejszym "iliryjskim" etapie jej rozwoju. Wiele mówi naukowiec o migracji bałtosłowiańskiej, podczas której Słowianie idący w kierunku zachodnim w linii prostej nieco wyprzedzali Bałtów i wyznaczyli w ten sposób osadnictwo na terenie Europy Środkowej Germanów.

Biorąc pod uwagę prace etnografa A. Fika, Łowmiański obala jego idee dotyczące kontrastów grup drzew mających historyczne terminy obcego pochodzenia, a w konsekwencji dowodzące, że Słowianie nie mogli mieć terytorium przodków między Wisłą a Odrą. Lovmiansky, podobnie jak K. Moszyński, twierdzi również, że stare pierwotne oznaczenia gatunków drzew podobno nie były potoczne i odznaczały się chwiejnością, ponieważ rosły tylko na niektórych terytoriach, a nie na całym obszarze. W związku z tym terminy zostały później zastąpione pożyczonymi, co nie wskazuje na niemożność zamieszkania Słowian na tym terytorium.

Юрова Алина Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
st085309@student.spbu.ru

Legendarne a bajeczne źródła polskiej bajki "Pieczary w Czarnej Górze" **(ze zbioru K. Wł. Wójcickiego)**

W 1837 roku w Warszawie popularyzator folkloru Kazimierz Wójcicki wydał zbiór pod tytułem *Klechdy, starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi*, który przez życie autora przedrukowano dwukrotnie i przełożono na różne języki. Wśród wątków spotkano bajkę *Pieczary w Czarnej Górze* [Wójcicki 1972: 158].

Pierwszy wydruk został umieszczony w czasopiśmie *Muzeum Domowe albo Czytelna Wieczorowa*, gdzie możemy przeczytać komentarz Wójcickiego [Muzeum Domowe albo Czytelnia Wieczorna 1835: 45-47]. Tytuł bajki pochodzi od nazwy góry, gdzie rozgrywa się akcja. Pisarz podkreślił, że *Czarna* zawsze była miejscem znanym wśród morderców. W czasopismach *Przyjaciół ludu* i *Muzeum Domowe albo*

Czytelna Wieczorowa odnalaziono artykuły, łączące nazwę masywu z imieniem legendarnej postaci *Aleksy Dobosza*.

Aleksy Dobosz – zbójnik karpacki, imię którego szeroko brzmiało w latach 1739-1745. Dobosz musiał mieć własną bandę, bo rabował dwory szlacheckie, wsi i miasteczka [Przyjaciół Ludu 1838: 220].

Fabula bajki *Pieczary w Czarnej górze* została zbudowana na podstawie typowego wątku: wieśniak widzi, jak bandyci wchodzą do pieczar, mówiąc *Otwórzcie się, drzwiczki*, za nimi powtarza chłopiec i wtedy w pieczarach odkrywa skarb. Lichwiarz zmusza wieśniaka pokazać jak wejść do jaskiń, w finale antagonistą umiera.

Rosyjski folklorysta K. Czystow [Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка 1979: 174], polski literaturoznawca J. Krzyżanowski [Krzyżanowski 1947: 156], rosyjski badacz folkloru Andrejew [Андреев 1929: 49] we własnych systematykach bajecznych wątków zapisali tę fabułę pod numerem T 676, mając na myśli orientalne pochodzenie.

1. W folklorze słowiańskim, w związku ze geograficznymi charakterystykami terenu, skarby często ukrywano w ziemi. W systematyce folklorystycznych wątków J. Bierezkin [Березкин] widzimy, że taka typowa bajka o skarbach jest najbardziej rozpowszechniona w Europie. Krzyżanowski podkreślił, że wątek o skarbach jest znany wśród Rosjan, Ukraińców, Białorusinów [Krzyżanowski 1947: 227].
2. W polskim przykładzie czytano: *Otwórzcie się, drzwiczki/ Zamknijcie się, drzwiczki!* Te zwroty wyglądają na znany wyraz z orientalnej bajki ze cyklu *Księgi tysiąca i jednej nocy*. Odnalaziono synonim w fabule *Ali baba i 40 rozbójników*, gdzie herszt rozbójników rzekł: *Sezamie, otwórz się!* [Веселовский 1938: 231-257]. Ali Baba nie może wyjść z jaskini, ponieważ myli nazwy nasion. W polskiej wersji lichwiarz nie może opuścić jaskini, bo zapomniał powiedzieć *Otwórzcie się, drzwiczki*.

W *Klehdach* można znaleźć późniejsze elementy chrześcijańskie. Ważną rolę w opowieści odgrywają dzwony, kościół i modlitwa. Pod koniec bajki pojawia się diabeł, kolejny znak późnego przetwarzania religijnego.

Wieśniak jest przykładowym chrześcijaninem, szanującym tradycje kościoła. Bohater przekazuje dziesiątinę z otrzymanych skarbów na potrzeby cerkwi. Tutaj

można zobaczyć paralele z postacią Dobosza, który również rozdawał biednym wszystko, co dostał.

Bajka *Pieczary w Czarnej Górze* ma orientalne korzenia, ale trafiła do folkloru polskiego za pomocą legend ukraińskich. Na to wskazują: nietypowa dla słowiańskiego folkloru obecność skarbów w jaskini, użycie magicznych słów podobnych do *Sezamie, otwórz się*, motyw śmierci bohatera z powodu błęd w zaklęciu. Związek z religią potwierdza późniejsze religijne przetworzenie bajki na terenie Polski.

Литература

1. Веселовский А. Н. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1938. Т. 16. 364 с.
2. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка // АН СССР. Отделение литературы и языка. Научный совет по фольклору; Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
3. Krzyżanowski J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. T. 2. Baśń magiczna: (T. 300-748). Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1947. 218 s.
4. Muzeum Domowe albo Czytelnia Wieczorna: Dzieło poświęcone historyi, statystyce, moralności, naukom, sztukom pięknym, i literaturze krajowej. Warszawa, 6 II 1835. nr 6. 424 s.
5. Przyjaciół Ludu: czyli tygodnik potrzebnych i pożytecznych wiadomości. Leszno: Nakładem i drukiem E. Günthera, 1838. nr 4.
6. Wójcicki K. W. Klechdy, starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1972. 408 s.

Электронные ресурсы

1. Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Андреев_Н.П._Указатель_сказочных_сюжетов_по_системе_Аарне.pdf (Дата обращения: 30.04.2022).
2. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н., Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (Дата обращения: 30. 04. 2022).

Людмила Феноменова, Мария Кириллова
ФГБОУ ВО РГУ им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
Институт славянской культуры, бакалавриат
fenomenoval@gmail.ru
jp.mariana@mail.ru

Роль китча в работах Милана Кундера и Агнешки Холланд

Китч определяется как явление, характерное для произведений массовой культуры, как правило, не претендующим на художественную ценность. Китч характеризуется поверхностью смыслового содержания, гиперболизированностью эмоций, приторностью и внешней эффектностью. Именно этими свойствами, а также своей доступностью для зрителя любой подготовки произведения искусства, использующие китч, очень популярны у широких масс. Мы можем встретить его везде – и в литературе, и в кино, и в театре, и в музыке.

Таким образом, слово “китч” понимается нами больше в негативном смысле и используется для обозначения некачественной продукции массовой культуры. Однако есть исследователи-социологи, которые видят в китче основополагающие потребности масс, а значит, его незаменимость для культуры.

Кич, и как слово, и как явление, получает свое распространение в 1960-1980-х годах. В это же время, в 1984 году, к этому явлению впервые обращается чешско-французский писатель Милан Кундера (р. 1929), творчество которого мы в целом можем отнести к эпохе постмодернизма. В своем наиболее известном романе «Невыносимая легкость бытия», писатель отводит понятию китча довольно большое место, которое вполне можно охарактеризовать как мини-эссе, вплетенное в общую структуру романа.

Милан Кундера дает такое определение китча: «кич есть абсолютное отрицание говна в дословном и переносном смысле слова; кич исключает из своего поля зрения все, что в человеческом существовании по сути своей неприемлемо» [Кундера, 2002: 276].

Интересно то, что у писателя мы находим объяснение тому, что китч мог возникнуть исключительно в массовой культуре. Он пишет: «Чувство, которое порождает кич, должно быть, без сомнения таким, чтобы его могло разделить великое множество. Кич поэтому не может строиться на необычной ситуации, он держится на основных образах, запечатлённых в людской памяти» [Кундера, 2002: 279].

По мнению Кундеры, китч опасен любому проявлению индивидуализма: «ибо всякое различие – плевок, залепленный в лицо улыбающегося братства» [Кундера, 2002: 280]. Китч угрожает иронии и сомнению, ведь в империи китча ко всему нужно относиться предельно серьезно.

Китч, по мнению писателя, заранее дает ответы и исключает любой вопрос. Таким образом, истинными борцом с «империей тоталитарного кича» является человек, задающий вопросы. Эти рассуждения Кундеры тесно связаны с его пониманием комического и с его особым неологизмом, агеластами. Именно через эти понятия писатель раскрывает свое, действительно культурологическое, понимание современной культуры.

Язык китча у польского режиссера Агнешки Холланд (р. 1948), которая в юности во многом вдохновлялась творчеством Кундеры, начинает проявляться в период эмиграции. Предшествующие этому периоду годы в творчестве А. Холланд отмечены характерными чертами течения Кино морального беспокойства: нонконформизм, антропоцентризм, семантическая сложность, обращение к рефлексии, изображение «неудобного» человека, неоднозначности исторических событий и пр. Использование китча режиссером с 1981 года связано это с тем, что Холланд нужно было оставаться востребованной, но уже в совершенно других условиях. Если в Польше она была признанным и известным на всю страну режиссером, то в США, чтобы получить тот же уровень славы, нужно было подстраиваться под привычные там формы искусства.

Однако китч не захватил фильмы Холланд повсеместно: она соединяет в своем кино голливудский размах и упрощенную структуру с авторским началом. У Холланд остается желание через диалог с гораздо более широким зрителем, через привычные и понятные формы кинотекста сказать нечто боль-

шее. Пример синтеза китча и высокоинтеллектуального месседжа: картина «Европа, Европа» (1990), где за поверхностным приключенческим сюжетом в духе вестерна скрыты глубинные и значимые проблемы поиска себя, «фальшивой» и «истинной» идентичности, преодоления телесности.

Таким образом, Агнешка Холланд, начиная со второй половины 80-х годов во многом продолжает быть режиссером «кино морального беспокойства», а язык китча становится лишь дополнительным элементом ее кинематографии, расширяя возможности и делая фильмы интереснее.

Литература

1. Małka-Malatyńska K., Agnieszka Holland. – Warszawa: Biblioteka Więzi, 2009. – 190 s.
2. Вирен Д. Моральное беспокойство в кинематографе стран «восточного блока»: уникальность и универсальность // Славянский мир: общность и многообразие. – 2018. – С. 254-258.
3. Кундера М. Занавес / Пер. с фр. А. Смирновой. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 240 с.
4. Кундера М. Невыносимая легкость бытия : Роман / Пер. с чеш. Н. Шульгиной. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 352 с.

Алёна Божко
ФГБОУ ВО РГУ им. А.Н. Косыгина
(факультет Культурологии. Теория и история культур, бакалавриат)
alyonabozhcko@yandex.ru

Образ молодёжи в польских народных песнях

В данной работе автор предлагает рассмотреть образ польской молодёжи в народных песнях с помощью выделения характерных особенностей поведения, занятий, этапов взросления и символических образов.

Наиболее часто описание образов и характеров молодого поколения встречается в песнях любовного содержания. И этому есть объяснение: именно

в пору юности парни и девушки были озадачены поиском партнёра с целью создания семьи. В данном контексте стоит упомянуть следующие песни: *Już mi minęło 16 latek, Czerwone Jabłuszko* [Kolberg 1961: 205]. Однако далеко не всегда любовь была счастливой. В польских народных песнях отражаются и болезненные переживания юных героев, которые очень часто заканчиваются трагически (*Oj płynie woda szeroko*) [Kubiacyk 1920: 54]. Ещё один печальный исход уже для взаимной любви это, когда девушку выдают замуж за человека, намного старше её (*Lipka*) [Kubiacyk 1920: 95].

Несмотря на относительную беззаботность юны лет, было важно не терять голову от любви. Многие песни носят дидактический характер для молодёжи, преимущественно для девушек (*Nad wodą siedziała*). В песне *W moim ogródecku* панна предусмотрительно не желает идти в чужой двор и поить коня человека, который ей не нравится.

Молодых персонажей польская народная песня помещает в весенний или летний пейзаж. Здесь наблюдается сравнение юности как цветущей поры жизни с наполненными светом, теплом и зеленью временами года. Метафорически, юношей и девушек нередко сравнивали с птицами и растениями (*Nie chodź koło róży*) [Kolberg 1961: 138].

Молодое поколение с малолетства приучались к выполнению обязанностей по хозяйству. Но, всё же, родители старались не сильно нагружать детей, чтобы у них было время для общения с товарищами, совместных игр и, конечно же, влюблённости.

Жанр песен характерный преимущественно для фольклора горных территорий Польши – это песни о пастухах и пастушках [Бэлза 1972: 164]. Эти песни, по сути, заключают в себе сельскую идиллию единения с природой. Их персонажи обычно молоды и свежи, и во время не особо тяжёлой, но скучной работы они находят способы развлечь себя (*Paślam sobie gąseczki*) [Kubiacyk 1920: 103]. Но пасти скот или птицу было обязанностью, характерной для девушек, парни часто выступают в роли пахарей (*A dajże mi Woże*).

Песня была неотъемлемой частью жизни польского крестьянина. Песнями сопровождалась работа в поле, досуг, дружеские посиделки и, конечно же, различные народные гуляния. Молодое поколение составляло основу праздничных мероприятий, они шумно и весело проводили время, танцевали,

играли, непременно пели. Есть песни, посвященные любимым народным танцам, как например *Kujawiak*.

Подводя итог, можно выделить ряд особенностей образа молодёжи в польских народных песнях. Героям присуща беззаботность и веселость, однако данное состояние часто нарушается любовной драмой. Юноши и девушки много играют, или в контексте выполнения каких-нибудь праздничных обрядов, или просто ради забавы. Они помогают своей семье по хозяйству и трудятся наравне со старшими. Главная задача, которая ставилась перед юношами и девушками, это поиск спутника жизни. Большинство песен, в которых встречается образ молодого человека повествуют о любви во всех её проявлениях. Парень часто ассоциируется со звонкой пташкой или статным конём, в то время как образ девушки связывают с растительным миром, будь то роза или липа.

Литература

1. Бэлза И. Ф. История польской музыкальной культуры. М., 1972. Т. 3. 294 с.
2. Hernas Cz. *W kalinowym lesie*. T.2. *Antologia polskiej pieśni ludowej ze zbiorów polskich XVIII wieku*. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1965. 264 s.
3. Kolberg O. *Pieśni ludu polskiego // Dzieła wszystkie / Wstęp J. Gajek, J. Krzyżanowski i M. Sobieski, red. J. Gajek i M. Sobieski*. Wrocław; Poznań, 1961. Т. 1. 480 s.
4. Kubiacyk L. *Śpiewnik polski. Związek Kół Śpiewaczych*. S.l.,1920. 205 s.

СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Анастасия Лагутова

РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

(Русский язык XXI века: новации и динамика развития, магистратура)

lagutovaas@gmail.com

Роль метафоризации в создании образа святого (на примере акафиста Николаю II)

Изучение метафор в сакральных текстах, в частности в акафистах, представляет особый интерес для исследования.

Акафист – специфический жанр церковных песнопений, восходящих к первому в истории Акафисту Пресвятой Богородице, написанному в V-VII вв. и построенных по его подобию. Сакральное наполнение акафиста раскрывает ряд самых разнообразных тем и отражает глубину духовного подвига адресата.

«Символизация сакрального мира и духовного состояния человека» [Кожина 2018: 415] обуславливает, по мнению Н.А. Рядовых, использование в религиозных текстах когнитивных метафор [Рядовых 2020: 136], функциональной особенностью которых является способность превращаться «из средств создания образов <...> в способ формирования недостающих языку значений» [Арутюнова 1978: 336]. Так, с помощью когнитивных метафор раскрывается вся семантическая полнота многомерного абстрактного понятия.

Гимнографический текст имеет своеобразную кодировку, которая заключается в его символике и выражается с помощью метафор. Как пишет А.А. Камалова, для вскрытия кода текста, его понимания, необходимо учитывать определенные нормы строения сакральных текстов, а деятельность по извлечению смысла таких текстов должна быть иерархически организованной [Камалова 2013: 144].

Обращаясь к типологии акафистных метафор Н.А. Рядовых, представленной в работе «Метафорическое осмысление святости в жанре акафиста», мы можем классифицировать когнитивные метафоры акафиста святому страстотерпцу царю Николаю II, опубликованного в Белграде и составленного И.А. Аносовым (1939 год «Царский вестник»).

Духовный подвиг жертвенности вербализуется в следующих конструкциях акафиста: «агнец непорочный» (сакральный маркер, отнесенный к реалиям мира природы), «жертво всежжения» (метафора дихотомии «земного» и «небесного»), «Христа ради чашу страданий испивый», (метафора, относящаяся к миру материальных предметов – изделий, с ярко выраженной прототекстуальной, «маркерной» связью: «Авва Отче! всё возможно Тебе; прinesi чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты» (Мк 14:36). Хайретизмы «новое солнце красное» и «очистительная река багряная» (метафоры мира неживой природы) демонстрируют взаимосвязь света и цвета и также указывают на мученичество и величие хриstopодражательной жертвы Николая II за Россию.

Метафоры Спасения и крепости духа святого вербализуются в конструкциях: «Дом души своя на камени Христе создавый» (метафора веществ земной коры), «молитвы кадило благовонное» (метафора, выражающая особенности обоняния).

Особую подгруппу составляют световые метафоры: «лампадо веры неугасимая», «светильнице правды», «светило кротости незаходимое», «света Христова носителю», «свете от востока изшедый», «тмою запада не ослепленный».

К отражению крепости духа и характерных духовно-нравственных черт святого также относятся следующие хайретизмы-метафоры общественно-значимых видов деятельности: «слуго Божий самодержавный», «хранителю истины», «Российского корабля ко спасению водителю». Указание на глубину духовно-нравственных черт идёт и с помощью метафор, основанных на прецедентности имен собственных: «образе кротости Давидовы», «терпения Иовлева любителю».

Таким образом, процесс метафоризации, протекающий в сфере признаков концептуальных доменов, обращенный к «маркерам сакральности», играет значимую роль в создании образа святого. Перенесение значений одного класса объектов на другой, сдвиг в сочетаемости признаков слов, порождение полисемии открывает возможность для многоаспектного и многогранного описания чина святости. Выделяются самые разные пути метафоризации – от осмысления символов живой и неживой природы, до

перенесения признаков сенсорной сферы: в жанре акафиста образ святого может формироваться через метафоры света, звука, запаха, вкуса. Успех расшифровки метафорических кодов сакрального текста во многом зависит от знания прототекста, ключей христианской символики и теологической подготовленности реципиента.

Литература

1. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. *Стилистика русского языка: учебник*. М.: Флинта; Наука, 2018. – 464 с.
2. Рядовых Н. А. *Метафорическое осмысление святости в жанре акафиста / Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 135-140.
3. Арутюнова Н. Д. *Функциональные типы языковой метафоры / Известия АН СССР. Серия "Литература и языкознание"*. 1978. Т. 37. № 4. С. 333-343
4. Камалова А. А. *Структура и смысл хайретизмов в акафисте святителю Николаю / Российский гуманитарный журнал*. 2013. Том 2. №2. С. 142-148.

Бабенкова Анастасия
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(факультет Иностранных языков и регионоведения. Культурология).
av_babenkova@mail.ru

Культ мощей и религиозного пространства в Сербии

Появление идеологически обоснованных программ собирания мощей в Сербии совпадает с периодом правления династии Неманичей (конец 7 – начало 8 веков). Духовным отцом династии Неманичей был святой Савва – младший сын Стефана Немани (великого жупана Сербии). После смерти императора Мануила (около 1180 года) Стефан окончательно освободил Сербию от греческой зависимости. Святитель Савва в житии своего отца пишет: «...И приобретете от Поморские земле Зету и с градовы, а от Рабна Пилота оба, а от Греческие земле Патково, Хвостно все и Подримие, Кострец, Дрежековину, Ситинцу, Лаб..... То вса мудростию и трудом своим сия весьма приобретете, погибшую некогда...». Стефан стал полностью самостоятельным властителем,

с титулом «Господин всех сербских земель». При Стефане была учреждена независимая сербская архиепископия. Савва стал первым Архиепископом. Он основал два кафедральных монастыря – Жичский и Печский.

Мощи иконичны по своему действию — они вызывают в сознании образ святого. Святой присутствует как в своей иконе, так и в своих телесных останках. Причем, не какая-то его частица — а он весь, целиком, подобно тому, как в Евхаристии присутствует весь Христос [Баччи М., Богданович Е., 2019: 25].

Культ мощей в Сербии имел две формы. Первая – поклонение вселенским христианским реликвиям. Вторая – культ мощей народных правителей-святых. Говоря о первой, следует подчеркнуть особую функцию почитания Животворящего Креста. Известно о нагрудном украшении Немани, в которое была вложена частичка Честного Креста. Эта реликвия хранилась в Монастыре Студенице. Она явно повлияла на программу фрескового оформления. Так, монументальное Распятие было изображено на западной стене Церкви Пресвятой Богородицы, над царскими гробницами. Помимо основного эсхатологического смысла, эта программа содержала в себе идейно-политический посыл: Победоносный Крест должен был защитить сербское государство и членов династии [Лидов 2003: 176].

После падения Константинополя в 1204 году в Европе распространилась торговля мощами. Савва смог приобрести христианские святыни: частицу Животворящего Креста, реликвии страстей Христовых, частицы одеяния и пояса Богородицы, правую руку и частицу главы Иоанна Крестителя. В 13 веке Святой Савва начинает программу собирания святынь в монастыре Жиче [Лидов 2003: 175]. Такая сокровищница в Жиче содержала в себе идею Святой Земли. Культ реликвий королевской семьи был детально разработан во всех аспектах, касающихся богословия, обрядов, литургики и практической жизни, и включал в себя несколько важных элементов. Одним из таких элементов были королевские усыпальницы, которые строились правителями со времен династии Неманичей.

Монастырь в Жиче был построен за чертой города, и его предполагалось превратить в целый комплекс - в святое место. Именно здесь первый Сербский Архиепископ Савва короновал своего старшего брата Стефана в 1217

году. Также 2 другие короля из династии Неманичей были коронованы в монастыре Жича – сыновья Стефана, Радослав и Владислав. Из средневекового периода до наших дней сохранился Собор Вознесения Господня и небольшая церковь Святых Апостолов Петра и Павла.

Собор Вознесения Господня является одной из первых построек в стиле рашской школы, для которой характерно сочетание форм византийской и западноевропейской романской архитектуры. Что касается византийской культуры, на основе материалов Лидова в работе можно с точностью сказать, что данный собор является примером вращающегося храма. Благодаря форме купола и изображениям на нем мы видим эффект вращения [Лидов 2011: 27]. В подкупольном пространстве наоса рядом со стенами находились проскинитарии, в которых, вероятно, хранились святыни Страстей Христовых и стояли каменные троны короля и архиепископа. Первоначальная роспись собора Вознесения 1220 года сохранилась частично. В южном рукаве трансепта сохранилось «Распятие», в северном - «Снятие с креста». Расположение этих сцен в нижней зоне трансепта может быть связано с тем, что перед ними находились проскинитарии со святынями Страстей Господних.

Из того, что мы уже знаем об этом монастыре (преимущественно церковь Вознесения), можно объяснить понятие Святой земли. Все упомянутые ранее реликвии могут быть использованы для демонстрации следующих этапов: воплощение и крещение, страсти и воскресение. Реликвии такого высокого ранга воплощали идею воссоздания (трансляции) Иерусалима и Святой Земли и символически воспроизводили христианскую топографию святых мест. Если истинный Иерусалим трансцендентен, то он может быть виртуально актуализирован где угодно. Мы видим здесь яркое проявление иеротопии. Новые сакральные пространства храмов или святилищ часто создавались в результате осознанного воспроизведения первичного сакрального пространства, обозначенного самим Богом в процессе иерофании (т.е. явлении сакрального, но не само сакральное). Это первичное сакральное пространство присутствует во вновь созданном храме или святилище в виде образа-парадигмы.

Литература

- Лидов А.М. Восточнохристианские реликвии. – Прогресс-Традиция, 2003. – 652 с.
- Баччи М., Богданович Е. Пространство иконы. Иконография и иеротопия/Сборник статей к 60-летию А.М.Лидова – Москва, 2019. – 232 с.
- Лидов А.М., Баталов А.Л. Иерусалим в русской культуре – Москва, 1994. – 224 с.
- Лидов А.М. Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. – Москва, «Индрик», 2011.
-

Татьяна Пищурова
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Факультет иностранных языков и регионоведения. Лингвистика,
магистратура)
tatiana.languages@yandex.ru

**Феномен войны в произведении святителя Николая Сербского
«Война и Библия», написанного в межвоенный период (1918-1939 гг.)**

Николай Сербский находился на боевых позициях в годы Первой Мировой войны. Он исповедовал и причащал сербских солдат, утешал их проповедью, при этом свое жалование он отдавал на нужды раненых.

Спустя несколько лет, будучи уже епископом, Николай Сербский решил проанализировать причины войн, но не с точки зрения политики или экономики, а с точки зрения богословия. Свои доводы он аргументировал строками из Библии.

Книга написана в виде диалога между выходцем с Балкан, чье имя не указывается, и генералом по фамилии Кларк.

Уже в «Вводной беседе» несколько героев книги начинают рассуждение о предстоящей войне, которая, по словам генерала Кларка, «еще грянет». В конце этой части безымянный балканец противопоставляет библейское объяснение войны мнению Макиавелли.

Отмечается, что назревающая война, наступление которой чувствовали уже тогда, в 1927 году (когда состоялась беседа, на основе которой написана анализируемая книга) – это лишь продолжение начавшейся в 1914 году войны. Крайне интересными предстают рассуждения о том, какой будет грядущая война. Герой утверждает, что никакая другая война в истории не была столь бесчеловечной и жестокой. Под лозунгом нации, веры или патриотизма будет вестись война «во имя ненависти и мести, ради грабежей и хищений».

В произведении утверждается, что лишь Библия может объяснить причины войн и спрогнозировать их исход. Война человека с человеком представляется в рассуждении героя «войной человека с Богом». А в существовании «неотвратимого закона греха» берут начало все войны. Человечество существует лишь благодаря милосердию Творца.

В пятой главе книги «Война и Библия» среди выводов указывается немало важный в рамках феномена войны момент. Праведники могут одержать победу, если сражаются под знаменем Бога для защиты слабых.

Согласно христианской доктрине Бог наделил человека свободой. Именно благодаря этому человек имеет возможность выбора. И по причине свободы человека стал возможен первородный грех и, как следствие, изгнание Адама и Евы из Рая.

В течение всей беседы прослеживается выстроенная связь между грехом и войной. Автор указывает, что причины – в человеке, а исход – в руках Бога. Только от Него зависит, то, чем закончится война. Автор подкрепляет это словами из Священного Писания: «Один из вас прогоняет тысячу; потому что Господь, Бог ваш Сам сражается за вас» (23 глава Книги Иисуса Навина).

В книге также не раз подчеркивается, что Господь помогает смиренным и праведным, распределяет победы и поражения «по крепости веры, покаяния и взывания к Нему каждой из воюющих сторон», что нет смысла надеяться на вооружение и численность армии, потому что для низложения всего этого «Бог нередко пользуется самым простыми и заурядными средствами».

Под конец книги автор словами балканца наконец раскрывает глубинную причину будущей войны. Она лежит в «богоотступничестве и идолопоклонстве христианских народов и их правителей». Здесь проводится параллель с (библейским) народом Израиля, который стал служить Ваалу, что «означает

служение дьяволу под видом идолов». Если же ни один христианский народ не покается, не возвратится ко Христу, то «Бог дарует победу» нехристианским азиатским народам.

Последняя глава книги посвящена войне в свете Евангелия. Проводится сравнение войны и розги как средства вразумления человечества. Христос предлагает человеку вести борьбу с самим собой, чтобы не допустить возникновения других войн. Но война все же настигнет христиан, если они будут попирают закон Христов. Так люди похожи на заблудших детей, которые, не желая «бичевания, сами являются его причиной».

В заключении автор призывает освободиться и от греха, и от вооружения, ведь именно такой народ «примет великую миссию в мире». По его словам, он будет «свет всем народам» и будет во веки прославлен Богом.

Таким образом, святитель Николай Сербский в книге «Война и Библия» устами безымянного балканца не только во многом с точностью описывает на тот момент предстоящую Вторую Мировую войну, но и доказывает, что, несмотря на все различия войн, которые ведутся в этом мире на протяжении многих веков, все они могут быть объяснены и спрогнозированы на основе Библии. При этом святитель Николай Сербский указывает, что возможность покаяния и обращения ко Христу есть у каждого народа.

Литература:

1. Война и Библия / святитель Николай Сербский. Симферополь : Родное слово, 2016. 110 с.
2. Война и Библия / святитель Николай Сербский (Велимирович) // Пер. С.П. Фонов. М. : Сибирская Благовонница, 2022. 286 с.
3. Горохов В.Н. История международных отношений. 1918-1939. - М.: МГУ, 2004.
4. Советская историческая энциклопедия / под ред. Е. М. Жукова. — М.: Советская энциклопедия, 1973—1982.
5. Православие.RU [Электронный ресурс]: Святитель Николай Сербский: фразы. Проект "Мысли великих" URL : <https://pravoslavie.ru/66267.html> (дата обращения : 02.04.2022).

6. Православная Жизнь [Электронный ресурс]: Война и Библия: святитель открыл тайну генералу URL : <https://pravlife.org/ru/content/voyna-i-bibliya-svyatitel-otkryl-taynu-generalu> (дата обращения : 02.04.2022).

*Дарья Антипина
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
(исторический факультет, бакалавриат)
dari.antipina@mail.ru*

Независимая Черногория в системе международных отношений (1878-1918 гг.)

13 июля 1878 г. представители шести великих держав подписали Берлинский трактат, определивший судьбу балканских стран, в том числе и княжества Черногории. Теперь оно приобрело официальный статус независимого и получило выход к морю. Просуществовало государство с 13 июля 1878 г. по 13 ноября 1918 г., при этом 28 августа 1910 г. было провозглашено королевством.

Получившая независимость Черногория начала встраиваться в уже сложившуюся систему международных отношений на правах полноценного государства. Это была непростая задача – в кратчайшие сроки установить политические контакты с важнейшими странами региона, наладить устойчивое сообщение, решить экономические вопросы.

Данный доклад посвящен изучению разных сфер жизни Черногории через призму заключенных за сорокалетие договоров. Задача исследования заключалась в сборе статистических данных на материале этих документов и их анализа по трем аспектам. Во-первых, это установление государственных границ (что включало и создание почтовой и телеграфной связи), во-вторых, – вопросы международной торговли. Отдельно рассматривались случаи финансовых заимствований.

В 1878-1880 гг. практически все соглашения касались территориальных приобретений или потерь Черногории. Основные договоры о границах были

заключены в первые годы после приобретения Черногорией независимости [Перазих, Распопович 1992: 105-178]. После этого встречаются единичные случаи урегулирования пограничных конфликтов с Портой или Австро-Венгрией. Налаживанием почтовой и телеграфной связи черногорская сторона занималась дольше: в 1881 г. было установлено телеграфное сообщение с Османской империей, в 1898 г. – почтовая связь с Италией, в 1899 г. подобное соглашение было заключено с Францией, в 1901 г. – с Австро-Венгрией. Также телеграфная или почтовая связь соединила Черногорию с Германией, Голландией, Швейцарией, Чехией [Перазих, Распопович 1992: 165, 176, 419, 422].

Торговые конвенции Черногория заключала на протяжении всего периода независимости. Первыми в коммерческие отношения с молодым государством вступили Британская империя (1882) и Италия (1883). Впоследствии Италия станет ключевым торговым партнером Черногории. Торговые конвенции были подписаны с Сербией, Францией, Грецией, Бельгией, Египтом, Голландией, Турцией, Болгарией, Российской империей, Швейцарией, Румынией [Перазих, Распопович 1992: 180-202, 558-563]. Как видим, география торговых отношений Черногории в конце XIX - начале XX века довольно обширна. Также большую роль играли частные компании. Так, в 1886 г. был заключен первый договор о закупке вооружения у немецкого торгового дома Friedrich Krupp, в 1898 г. право поставлять зерно в Черногорию получила компания Sius Lederer из Риеки [Перазих, Распопович 1992: 220-223, 330-333].

Недавно образовавшееся государство Черногория преодолеvalo экономические трудности путем займов. Первое подобное соглашение было подписано ею в 1881 г. с Императорским банком Австрии и открыло череду банковских займов из доступных источников. В 1889 г. Российский государственной банк выделил Черногории крупную сумму денег. У Австро-Венгрии Черногория получала ссуду сразу из трех банков – Австрийско-венгерского привилегированного банка, Австро-венгерского королевского банка и Царско-королевского привилегированного банка Австрийских земель. Кроме банковских, встречаются и договоры о заимствованиях у частных лиц – в 1895 г. Черногория получила от венецианского торговца Арнольда Вейсбергера сумму в 60 тысяч австрийских флоринов. В 1897 г. итальянский банк, находящийся в

Милане, также вступил в банковские отношения с Черногорией, как и Имперский оттоманский банк в 1898 г. и Лондонский банк в 1909 г. [Перaziћ, Распопович 1992: 169-175, 231, 264-274].

За время независимости Черногория заключала разного рода соглашения, договоренности, брачные договоры, конвенции, правила, подписывала протоколы, разрешения, публиковала односторонние заявления и многое другое. Если обратиться к сторонам, с которыми Черногория вступила в контакт, список получится внушительный: Турция, Австрия, Британская империя, Италия, Германия, Россия, Сербия, Франция, Германия, Голландия, Швейцария, Бельгия, Египет, Болгария, Чехия, Румыния, США.

Можно сказать, что для молодого государства Черногория неплохо справлялась с вступлением в систему международных отношений, несмотря на все сложности, которые она встретила на этом пути. Пример вхождения Черногории в режим взаимодействия государств демонстрирует, как страны, обретая независимость, интегрируются в существующие экономические и политические процессы.

Литература

1. Проф. др Гавро Перaziћ, Мр Радослав Распопович, Међународни уговори Црне Горе 1878-1918. Зборник докумената са коментаром., Подгорица, 1992 г.

Дмитрий Мищаненко
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(исторический факультет, бакалавриат)
22dima06@gmail.com

Как итальянский герцог Аймоне Савойский стал хорватским королём Томиславом II

Доклад посвящён неординарному событию в истории Хорватии – возведению итальянского герцога Аймоне Савойского на престол Независимого государства Хорватия в 1941 году под именем Томислава II. В ходе изучения вопроса использовались дневники министра иностранных дел фашисткой Италии Галеаццо Чиано.

Идея возведения итальянца на трон независимой Хорватии родилась ещё 9 марта 1939 года, когда Галеаццо Чиано принял Джузеппе де Бомбеля, секретного агента на службе у Анте Павелича. Де Бомбель предложил идеальный по его мнению вариант для Хорватии и Италии: автономное королевство с итальянским принцем во главе [Чиано 2010: 58-59]. Другой его вариант предполагал, что Хорватию возглавит действующий король Италии. Галеаццо Чиано предложил тогда финансовую и военную поддержку Анте Павеличу, но хорваты должны были в ответ организовать революцию в течение 4-5 месяцев. В тот момент Павелич не мог это гарантировать, и разговоры об итальянском принце на престоле Хорватии прекратились до 1941 года.

6 апреля 1941 года немецкая авиация подвергла Белград массовой бомбардировке, за которой последовало вторжение в Югославию, за чем последовали ее крах и расчленение. 10 апреля 1941 года была провозглашена независимость Хорватии в составе большей части Хорватии и Боснии и Герцеговины. Однако новое государство было не чем иным, как марионеточным образованием, контролируемым германо-итальянской Осью.

Представители Италии и Германии требовали, чтобы новый хорватский режим был монархическим, но возникла проблема с персоной короля. У хорватов не было собственной династии, поэтому Анте Павелич решил снова обратиться к Муссолини с идеей итальянского суверена на престоле в Загребе [Чиано 2010: 390]. Он отправился в Италию, чтобы официально предложить корону главы государства принцу Савойского дома.

Причины этого предложения неясны. Существует точка зрения, что Павелич хотел тем самым выразить благодарность Бенито Муссолини, который принял его в период между двумя мировыми войнами. Согласно другой версии, он хотел использовать тот факт, что итальянский монарх, происходящий из древнего Савойского дома, способствовал бы международному престижу нового балканского государства. Хотя вполне допустимо также, что Павелич хотел дистанцироваться от гитлеровской Германии, пытавшейся установить свою военную администрацию в новом государстве.

Однако, по мнению будущего Томислава II, решение о назначении итальянского принца на престол нового хорватского государства исходило от

самого Муссолини, желавшего продемонстрировать Германии, что Италия все ещё имеет вес на международной арене.

Анте Павелич попросил короля Италии определить, кто достоин нести корону Хорватии. Виктор Эммануил III был в затруднении, так как в то время в Савойском доме было несколько принцев, способных стать королём Хорватии. Не рассматривался лишь наследный принц Умберто.

Сначала Виктор Эммануил III обратился к представителям побочных ветвей Савойского дома (аостской и геновской). Среди представителей ветви Аоста был отвергнут граф Туринский Виктор Эммануил, по геновской линии – герцог Фердинанд, оба были холосты и слишком немолоды, то есть не могли иметь наследников.

Король решил сделать выбор между Аймоне, герцогом Сполето, и Филиберто, герцогом Пистойи. Избран был Аймоне. Согласно дневникам Галеаццо Чиано, это назначение стало настоящим ударом для Аймоне, который теперь был вынужден расстаться с Королевским флотом, его истинной страстью [Чиано 2010: 400].

18 мая 1941 года, решительно отказавшись от имени Звонимир II, Аймоне принял имя Томислав II и был назначен королем Независимого Государства Хорватии [Чиано 2010: 402-404]. Аймоне остался в Италии и создал в своей флорентийской мастерской «канцелярию по хорватским делам», чтобы знать страну, которой он должен был править.

В новостях, поступающих из различных источников, новоиспечённый король видел, что Независимое государство Хорватия на институциональном, социальном и культурном уровне не является государством. Непрерывные преследования и убийства её жителей усташами создавали гнетущую атмосферу в стране. Началась этническая чистка в отношении национальных меньшинств (сербов, евреев и цыган), уничтожение политических противников (коммунистов) и религиозных меньшинств (православных, иудеев и мусульман).

Томислав II изначально пытался влиять на А. Павелича, но лидер усташей не слышал короля, он намеревался использовать его лишь в качестве марионетки. Поэтому Аймоне начал дистанцироваться от загребского правительства, он отменил свой переезд в Хорватию и впоследствии был

монархом только по титулу. После того как Италии вышла из войны, 12 октября 1943 года Томислав II формально отрекся от хорватской короны.

Литература

1. Чиано Г. «Дневник фашиста, 1939-1943». М., 2010.
2. Зонова Т.В. «История внешней политики Италии». М., 2016.

*Владинская Мирослава Алексеевна
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Факультет иностранных языков и регионоведения, отделение
«Культурология», бакалавриат
mira.agafonova@yandex.ru*

Сравнительный анализ волшебных существ русского и сербского фольклора

Итак, проведём сравнительный анализ русского и сербского фольклора.

Начнём исследование с полуконей-полулюдей.

У русских- это полкан- великан, с верхней половиной тела человеческой, а нижней лошадиной или собачьей. Полканы жили в теплой стране и воевали с богатырями и царями. Обладают огромной силой и могут прыгать на полверсты. Среди них встречаются людоеды.

Сербские тодорцы- «нечистые» покойники в виде коней, всадников или коней с человеческими головам. Они появляются в первую неделю Великого Поста- Тодоровой неделе. Тодорцы наказывают тех, кто ест в это время пищу животного происхождения или работает. Забивают грешников копытами. Правит тодорцами Великий Тодор, всадник в белом плаще, скачущий впереди на хромом коне.

Далее, оборотни, которые при превращении в человека сбрасывают свою шкуру, уничтожение которой навлекает беду.

У русских – это Царевна-лягушка, Василиса Премудрая, которая сбрасывая лягушачью кожу превращалась в человека, а когда Иван-Царевич

спалил эту кожу раньше времени, его супруга, попала в плен к Кощею Бессмертному. [Русская народная сказка «Царевна лягушка»]

В сербской легенде «Змей-жених» у короля Будимского сын родился драконоподобным существом. Однажды к Змею ночью пришла его мать и увидела, что спящий сын превратился в человека. Мать спалила рядом лежащую змеиную шкуру, а наутро Змея нашли мёртвым. [Сербский эпос 1933: 229-237]

Следующая категория - мертворождённые или умершие до крещения младенцы, ставшие монстрами.

В русском фольклоре - это игоша - беспокойный дух маленького ребёнка без конечностей. Он всячески проказничает, если его не признают за домового. Домочадцы оставляли игоше кусок хлеба и лишнюю ложку.

А в сербском фольклоре аналог - дрекавац. Имеет облик человека или зверя с огромной головой, тонкое и вытянутое тело. Издаёт звуки животных или плач ребёнка. Дрекавац появляется на кладбищах или вблизи дома родителей. Иногда преследует своих родных, если считает их виновными в своей смерти.

У русских и сербов существуют поверья, что во время Святков по земле гуляют вредоносные нечистые существа.

У русских к ним относятся шиликуны - пакостные человечки, вылезающие на землю из водоёмов. Ростом они с кулак, имеют конские ноги и заострённую голову, изо рта у них пылает огонь, а в руках железные крюки, которыми они ловят людей и затягивают в прорубь. Шиликуны также заманивают пьяных в сугробы, заглядывают в окна и пугают детей.

У шиликунов есть сербские собратья - караконджалы - водяные демоны в облике животного, зооморфного человека или коня с человеческой головой и крыльями. Они выходят из воды и разных нечистых мест на период от 2 января до 21 января. Они происходят из детей, зачатых или умерших в период Святков. Караконджалы после полуночи до утра нападают на людей и глумятся над ними.

У славянских народов были женские существа, определяющие судьбу человека, когда тот рождался.

У предков восточных славян, были рожаницы - согласно труду Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» - это владычицы Вселенной,

определительницы судеб людей и покровительницы урожая. Их всегда упоминают во множественном числе, чаще всего двух. Они неразрывно связаны со славянским богом Родом, с которым представляют единый культ, пользовавшийся большой популярностью долгое время после Крещения Руси. [Рыбаков Б. А. 2012: 20-28; 460-461]

У сербов были три сёстры- суденицы.. Они бессмертны и приходят в полночь на третий день после рождения ребёнка в его дом, чтобы «наречь» ему судьбу. Старшая предлагает младенцу смерть, средняя — физические недостатки, а младшая- сколько прожить, когда заводить семью, каким счастьем обладать.

В русском и сербском фольклоре можно встретить женских существ, тесно связанных с водой и силами природы.

У южных славян- это вилы- крылатые девушки, обитающие в горах, владеющие колодцами и озёрами, способные «запирать» воды. У них лошадиные ноги, могут иметь козьи рога и конский хвост. К людям относятся дружелюбно, помогают обиженным, лечат, могут подсказать бесплодной паре, как зачать ребёнка. Нередко взаимодействуют с юнаками, героями сербского эпоса. Здесь вилы часто воинственны и способны вступить в единоборство. Например, вила Равийойла едва не убила юнака Милоша Облича, за что, тот пел лучше неё. [Сербский эпос 1933: 330-333]

У восточных славян были берегини- девушки, заботящиеся о посевах и плодородии, доброжелательные к людям и защищающие их. По словам академика Рыбакова, они являлись воплощением добра, в противоположность злым упырям. [Рыбаков Б. А. 2012: 18-19]. В русском декоративно-прикладном искусстве, берегинь изображали с рыбьими хвостами вместо ног. Тот факт, что берегини добрые существа подтверждает северорусская былина, где мальчика Добрыню спасли от Змея морские берегини. Также по О. В. Кругловой берегини оберегали путешественников от несчастий. [Василенко В. М. 1960: глава «Архитектурная резьба»]

Таким образом, в сербском и русском фольклоре можно найти схожих персонажей и проводить параллели между некоторыми сказочными сюжетами.

Литература

Сербский эпос / Переводы Н. Берга, Н. Гальковского и Н. Кравцова. Редакция исследование и комментарии Н. Кравцова/ Academia – Москва., Ленинград., 1933.- 651 с.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян/ Академический проект. – Москва., 2012.- 638 с.

Василенко В. М. Русская народная изба и роспись по дереву 18-20в. / Моск. ун-та –Москва., 1960. - 181 с.

Кузьмина София
Московский Государственный Университет им.М.В.Ломоносова
(факультет иностранных языков и регионоведение, зарубежное
регионоведение, бакалавриат)
sofiakuzmina563@gmail.com

«Влияние русского балета на сербскую культуру» (Роль русской эмиграции в становлении сербского балета)

Русский балет – удивительное и уникальное культурное явление, которое является визитной карточкой нашей страны. Популярность балета в России во многом обусловлена тем, что с самого начала балет считался искусством «высшего» и привилегированного сословия.

Русская революция не обошла стороной и эту часть жизни, в результате чего многие выдающиеся артисты труппы императорских театров оказались разбросаны по миру и, в частности, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Формирование национального сербского балета началось только в первой половине XX века, после Первой Мировой войны. В 1920 году была организована постоянная опера в Белграде, где ставились отдельные балетные номера.

Влияние русских эмигрантов в развитии сербского балетного искусства невозможно переоценить. Солистами балета национального театра Белграда в начале 20-х годов XX века были Яна Васильева, Нина Кирсанова, Елена Полякова, Анатолий Жуковский и многие другие. В первую очередь, стоит

отметить, что первая «Малая балетная школа» создается под руководством русской балерины Клавдии Исаченко, которая во многом разделяла подход великой Айседоры Дункан и, следовательно, следовала пластического балета. Ключевой фигурой в развитии сербского балета также был Анатолий Михайлович Жуковский. Участник Белого движения, солист, хореограф, а также режиссер Национального театра Белграда. Не менее значимой фигурой в развитии балета в КСХС стала русская артистка балета Елена Дмитриевна Полякова, которая в течение долгого времени была примой-балериной, хореографом, режиссером в Национальном театре, а также педагогом классического балета в Актерско-балетной школе, основанной в 1921 году. На сцене Национального театра Белграда блистала еще одна знаменитая артистка русского балета – Нина Васильевна Кирсанова, которая по завершении ангажемента стала примой-балериной в 1924 году.

Во многом благодаря усилиям наших соотечественников в Париже, колыбели мирового искусства, можно было нередко услышать, что сербская балетная школа лучше парижской. Русские не только учили, но и руководили белградским балетом, в результате чего уже в первое десятилетие их плодотворной работы было поставлено около 40 спектаклей.

На сегодняшний день в копилке Национального театра в Белграде присутствуют такие балетные постановки, как «Евгений Онегин», «Баядерка», «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Спящая красавица». Кроме того, нередко и в других видах искусства Сербии находит отражение балет. Например, в живописи, у сербского художника Миомира Бадзича есть целая серия картин, посвященная балетному искусству.

Список литературы:

1. Искусство Сербии, Хорватии и Словении в 20 веке / отв. ред. и составитель Н. В. Злыднева. М.: Индрик, 2019. 528 с., ил.
2. Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде (1920—1950-е годы). М., 2007.
3. Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов // Актуальные аспекты истории и современности русского зарубежья: параллели и антитезы. М., 2007.

4. Йованович Мирослав. Русская эмиграция на Балканах (1920–1940). М., 2005.
5. Сибинович Миодраг. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
6. Цветкович С. Русская музыкальная эмиграция в сербской провинции. Русский вклад в развитие музыкальной жизни в нише в период между первой и второй мировыми войнами.

Žujkova Sofija
Moskovski državni univerzitet M.V. Lomonosov
sofiya-99@yandex.ru

Jugonostalgija i sjećanje na Jugoslaviju u savremenoj pop-kulturi i javnom prostoru zemalja bivše SFRJ

Zbog različitih razloga u posljednjim godinama u bivšim socijalističkim zemljama diljem svijeta dolazi do širenja fenomena nostalgije za socijalizmom, kao i povećavanja pozornosti na temu kolektivnog sjećanja. Države bivše Jugoslavije nisu iznimka. Kao i u drugim postsocijalističkim zemljama, ovdje se dogodila izuzetno teška i bolna tranzicija, praćena političkom i ekonomskom krizom. Nostalgija je u određenoj mjeri bila reakcija na talas nacionalizma i desničarskih osjećaja u društvima. Slučaj zemalja bivše SFRJ bio je još više zakompliciran zbog krvavih vojnih sukoba, koji su ostavili duboki negativan trag na njihovu percepciju jedne druge i zajedničke socijalističke prošlosti. Možemo reći da su se oni u pitanjima politike sjećanja i razumijevanja jugoslavenskog iskustva nalaze na samom početku puta. No, taj je proces ipak započeo, o čemu svjedoči pojava niza institucija i javnih organizacija koje djeluju u tom smjeru. Potvrđuje to i rast jugonostalgije, koja je, iako u različitoj mjeri, prisutna u svim republikama bivše SFRJ.

Muzeji su jedna od glavnih javnih institucija koje se bave povijesnim sjećanjem i predstavljaju ga u javnom prostoru. Na postjugoslavenskom području postoji nekoliko muzeja posvijećenih povijesti SFRJ: **Muzej Jugoslavije** u Beogradu, **Muzej crvene povijesti** u Dubrovniku, **Muzej 80-ih** u Zagrebu, koji

predstavljuje tipičan jugoslavenski stan i prezentira tipični kućanski interijeri iz 80-ih. Štoviše, muzej je potpuno interaktivan, dakle svi eksponati se mogu dotaknuti i isprobati, a stoga je posjetitelj maksimalno uveden u autentično okruženje. **Muzej "Staro selo" u Kumrovcu** je hrvatski etno-muzej, ali ono što zapravo privlači turiste ovdje jeste rodna kuća Josipa Broza Tita. Svakog maja brojni jugonostalgici iz cijelog svijeta dolaze ovdje kako bi sudjelovali na „Danu mladosti“ organiziranom po jugoslavenskoj tradiciji (URL: <https://www.kumrovec.hr/dan-mladosti/>).

Jugonostalgija se sve više očituje i kroz oblike pop kulture, poput raznih **internetskih portala i stranica**. Stranica *Once upon a time in Yugoslavia* (URL: <https://igoyugo.tumblr.com/tagged/music>) specijalizira se na vizualnom naslijeđu SFRJ. Web-stranica *Remembering Yugoslavia* (URL: <https://rememberingyugoslavia.com/>) redovito objavljuje podkaste posvećene određenim jugoslavenskim realijama. Veliki projekt *Spomenik database* (URL: <https://www.spomenikdatabase.org/>) baza je podataka jugoslavenskih spomenika rasutih po cijeloj bivšoj SFRJ. Stranica *Yugomemes* (URL: <http://yugomemes.tumblr.com/>) objavljuje "meme" inspirirane naslovnica starih jugoslavenskih glazbenih albuma. Nezavisni internetski časopis *Autoslavia* (URL: <http://www.autoslavia.com/category/price/>) izdaje materijale vezane za jugoslavenske retro automobile, te organizira njihove skupove i izlete. Vrlo je popularna slovenska internetska trgovina vintažnim jugoslavenskim predmetima, koja je ujedno posvijećena jugoslavenskom dizajnu, *Made In Yugoslavia* (URL: <https://www.etsy.com/shop/MadeinYugoslavia>). Još jedan portal *Belgrade Socialist Modernism* (URL: <https://belgradesocialmodernism.com/>) ističe arhitekturu socijalističkog modernizma i brutalizma u Beogradu.

Glazba je poseban je oblik ispoljavanja jugonostalginih osjećaja. Slovenski kulturolog Mitja Velikonja u svom članku detaljno istražuje korištenje jugoslavenskih retorike i slike u stvaralaštvu savremenih slovenskih glazbenih bendova (na primjer, Laibach) [Velikonja 2014]. Pjesma repera Prikija (Haris Rahmanović) "*Yustalgija*" (URL: https://www.youtube.com/watch?v=V_G5rnIlyhM) iz 2012. izazvala je eksploziju oštro negativnih a i nostalginih komentara na Internetu. Još jedan primjer glazbene jugonostalgije su tematske klubske žurke, gdje zvuče tzv. Ex-Yu rock i jugoslavenska pop muzika, koje su izvanredno popularni kod omladine. U Beogradu

ih, naprimer, održava “Klub studenata tehnike”, a u Zagrebu klubovi “Močvara” i “Vintage Industrial Bar”.

Jugoslavenska tema počela se kretati i u turizmu. Tako se još u ljeto 2021. godine u Zagrebu pojavila **autorska ekskurzija** Danijele Matijević pod nazivom “Šetnja s Titom” [S Titom po Zagrebu 2021].

Kafane su također još jedno mjesto gdje je sjećanje na Jugoslaviju najizraženije. To nije samo zbog jelovnika, koji obično predstavlja jela iz svih krajeva bivše zajednice, već i zbog odgovarajućeg naziva, interijera etc. **Kafane** u jugoslavenskom stilu postoje gotovo u svim zemalja bivše SFRJ i vrlo su popularni (u Beogradu - kafane "Pavle Korčagin" i "SFRJ"; u Sarajevu - kafana "Tito"; u Skoplju - restoran "Kod Maršala"; u Podgorici - "Titograd Urban Caffè" [Тюриков 2019].

Dakle, navedeni primjeri pokazuju da se sjećanje na socijalističku Jugoslaviju i nostalgija za njom različito očituje u javnom prostoru postjugoslavenskih zemalja. Ali su navedeni primjeri daleki od toga da bi iscrplji cijelu sliku. Istraživanje kolektivnog sjećanja na ovom području zahteva uključivanje više materijala te dublju analizu, jer takvo sjećanje ima duboke korijene i dalekosežne posljedice. A da bismo imali objektivnu sliku savremenih postjugoslavenskih društava, ovaj sloj njihovog mentaliteta ne može se ignorirati.

Literatura.

1. *Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю.* Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах западных Балкан // ПОЛИТЭКС. 2020. №1. С.78-100.

2. *Тюриков С.* «Кафанская югоностальгия» в странах бывшей Югославии [Электронный ресурс] / Путеводитель по Сербии. 23.01.2019. URL: <http://serbiaonline.ru/?p=32219> (дата обращения: 14.05.2022)

3. *S Titom po Zagrebu* [Электронный ресурс] / Net.hr. 24.12.2021. URL: <https://net.hr/danas/hrvatska/setnja-s-titom-nova-turisticka-atrakcija-u-zagrebu-e15bc36c-649a-11ec-a99d-06105e61d4b7> (дата обращения: 14.05.2022)

4. *Velikonja M.* New Yugoslavism in Contemporary Popular Music in Slovenia// *Post-Yugoslavia: New Cultural and Political Perspectives*. Basingstoke, 2014. P. 57-95.

Денис Гребенюк
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(исторический факультет, магистратура)
d.gre2000@yandex.ru

Борилевият синодик и ролята на миряните в църквата на средновековна доосманска България

Борилевият синодик, като един от най-важните източници за историята на църквата през Второто българско царство, съдържа информация, която може да се използва за изучаване на особеностите на ролята на миряните (в сравнение с духовниците и монасите) в църковния живот на средновековна България от съответния период. Можем да се опитаме да проследим това върху материала на синодика, като подчертаем, колко често (и по какъв начин) миряните се поменават там в сравнение с членовете на клира и монасите.

Сред думите за миряните в Борилевия синодик преобладават похвалите на царете и само след това – похвалите на представителите на аристокрацията. В случая с царете често се подчертава техният принос в поддържането на чистотата на християнската вяра (за сметка на борбите с ереси), в случая и с царете, и с аристокрацията се подчертават материалните им благодения към църквата, строеж на храмове и манастири.

В същото време, ако говорим за структурата на синодика като цяло, то сред споменатите там хора преобладават светите подвижници, монасите, а най-важното – патриарси, предстоятели на църквата, които са укрепили църквата със своите благочестие и всеотдайност, със своята активна църковна политика и борбата срещу ереси.

Така българският модел на църковните отношения, отразен в текста на синодика, до голяма степен възпроизвежда византийския. Там също, от една страна, за миряните явно се признават определени (макар и ограничени) възможности активно да проявяват благочестие, да придобиват славата на благочестив християнин и за сметка на собствените си действия да се придвижат към спасението на душата си. А от друга страна – идеалът за византийската богословска мисъл (и за богословието на страните от

византийския кръг) все пак е бил аскетичният монашески идеал или, във всеки случай, идеалът на църковния служител, отдал целия си живот на служението на Христос.

Литература:

1. Ангелов Б. Ст. Борилския синодик // Прослава на Велико Търново. София, 1978. с. 182-186
2. Божилов И. Синодикът на цар Борил // Държава и църква през XIII век. София, 1999. С. 119–129.
3. Божилов И., Тотоманова А.-М., Билярски И. Борилския синодик. София 2010.
4. Мейендорф И., прот. Византийско богословие. Исторически тенденции и доктринални теми. Минск, 2001 (доступно 05.05.2021: <https://ksana-k.ru/?p=687>).
5. Турилов А.А., Никитин С.И. Борилския синодик // Православна енциклопедия. Т.6. С. 27–28.
6. Dujčev I. Das Synodikon von Boril als Geschichts- und Literaturdenkmal // Palaeobulgarica. 1980. N 2. S. 8–17.

Анцупова Валерия
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Факултет на иностранны езици и регионоведение, бакалавриат)
Lera.ants@yandex.ru

Руски и български антропоними в социокултурен аспект

Проучването на националните антропонимични системи е една от важните задачи на съвременната лингвистика. Личните имена на хора и тяхната форма ярко отразяват състоянието на един или друг период от развитието на обществото, историята на неговата материална и духовна култура, тъй като собствените имена са продукт на историята, те имат черти на националната култура. Популяризирането на личните имена на славянските народи още повече ще допринесе за тяхното сплотяване и разбиране на общата им историческа съдба. Познаването на антропонимията на отделните народи разширява разбирането за особеностите на техните езици и за общите закони на антропонимичната система. В тази връзка голям интерес за лингвистите

представяват българските лични имена. Българският език, и по-специално неговият речник, представляват огромен интерес за славистите поради специфичните особености на своя строй и историческата съдба на народа.

Съпоставителният анализ на българските и руските антропоними показва, че общите черти са свързани със славянския произход на българския и руския народ; с конфесионалното единство – православно християнство и с влиянието на глобализацията, която предизвиква и в двата езика противоположни тенденции – универсализъм и изолационизъм.

Различията са свързани с манталитета: българите са по-консервативни и по-патриархални. Антропонимите им по-добре пазят архаични славянски черти. Това е свързано с по-голяма привързаност на българите към народните традиции и обичаи. Те наричат децата си с имената на дядовци и баби, и по такъв начин ги пазят за идващите поколения. Така, в България са се запазили имената: Весела/Веселин, Светла/Светлин, Румяна/Румен, Добрин/Добринна и т.п., които отразяват народното вярване, че името може да определи съдбата на човека. Имената с флорален и растителен компонент са по-широко разпространени в България, отколкото в Русия. Освен известните и в руски език: Роза, Лилия, Маргарита, в български са познати: Теменужка, Ралица, Ружа Цветана и др. Една от особеностите на социокултурния компонент в България е фактът, че в езика всяко мъжко име има женски аналог. Този аспект е валиден и за прабългарски имена като Крум/Крумка. В същото време в руския език не всяка единица има подобно свойство.

Имената Виктория и Александър са най-често срещаните през 2021 г., което показва социологически промени в България в резултат на глобализацията. Традицията започва да отстъпва, и архаичните черти могат да загубят позициите си [6]. Анализирайки съвременното състояние на руските антропоними е необходимо също така да се отбележи влиянието на глобализацията. Все по-чести стават имената: Емилия, Даяна, Миа, Аделин, Оливия и Аврора [7]. Въпреки това, наред с тази тенденция, традицията да се кръщават деца с имената от старославянски произход се завръща както в Русия, така и в България.

Както виждаме, антропонимите маркират културното наследство, най-важните исторически събития, традиции и ценности на всеки народ. Тези

единици имат лингвистична специфика и богат семантичен потенциал (енциклопедично значение), така че е важно да ги проучваме, защото те пазят паметта за историческото развитие на народите и разказват за манталитета им.

Литература

1. Ангелова-Атанасова М. Личните имена у българите в началото на 21 в. (екстралингвистичен аспект) // Състояние и проблеми на българската ономастика. Т. 8 / съст. и отг. ред. доц. д-р М. Ангелова-Атанасова. Велико Търново : Св. Св. Кирил и Методий, 2006. С. 47–60.
2. Исса К., Хамами Н. Вариации на формите за обръщение и на умалителните форми на личните имена в съвременния български език // Изследователски хоризонти на българската лингвистика / отг. ред. А. Чолева-Димитрова. София : ИБЕ, 2014. С. 100–107.
3. Калканова Т. Популярно ли е твоето име? София : Св. Кл. Охридски, 2004.
4. Седакова И.А. Самоучитель болгарского языка с лингвокуль-турными комментариями. – М.: Буки-Веди, 2015 – 128 с.; илл.
5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 2008.
6. Электронный ресурс: <https://novinar21.com/355/majki-imena-za-momche/> (05.04.22).
7. Электронный ресурс: https://1000names.ru/statistika_reitingi_imen (05.04.22).

Наталья Колбасова
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(исторический факультет, бакалавриат)
nata.kolbasova@bk.ru

Гражданская Белая эмиграция в Болгарии в период с 1919 года по 1944 год.

Бытование гражданских белых в Болгарии можно разделить на три этапа: начальный 1919-1923 годов, «золотой век» 1923-1934 годов и окончательное решение вопроса по беженцам 1934-1944 годах. За период 1919–1921 гг. в

Болгарию прибыло 35 тыс. эмигрантов. Их маршрут достигал приморских Варны и Бургаса, а оттуда беженцы направлялись в различные города Болгарии.

В первый период болгарский парламент принимает беженцев на государственную службу, им организуют доставку гуманитарной помощи, налаживают бесплатное лечение больных и раненых. В местах расселения правительство в это период поддерживает их стремление сохранить свою национальную идентичность: свободно начинают работать эмигрантские организации, российские школы, группы художественной самодеятельности, российские профессиональные клубы. В 1921 году Международный комитет Красного Креста признал Советский Красный Крест, но тем не менее продолжил и отношения с РОКК (Российское общество Красного Креста) старой организации, также принимавшим большое участие в помощи беженцам. В данный начальный период проживания и прибытия белых эмигрантов действия, предпринятые по устройству беженцев, были оперативными и позитивными. Государство оказывало им посильную помощь, в чём-то даже не скупилось на средства, так как ещё оставалась мысль о возможности провала коммунистов и правительство надеялось на последующее возмещение потраченных средств на устройство благодарных в будущем русских.

Переворот 9 июня 1923 года и свержение Стамболийского кладет начало второго этапа белой эмиграции в Болгарии (до 19 мая 1934 г.). В этот период отношения между Болгарией и СССР замораживаются. Болгары уже знали, что делать с эмигрантами и не были связаны никакими обязательствами с СССР. В то время пока мужчины устраивались окапывать огород, в шахты и на стройки, многие женщины работали прислугой или домашними учительницами для детей у влиятельных предпринимателей. Общий уровень образованности эмигрантов был выше, чем у болгар, что помогало им устроиться на работу в сфере педагогики. Данный период, называемый «Золотым веком», был «золотым» в сравнении с предшествующим периодом первоначальной адаптации, когда было слишком много неопределённости, и последующим периодом «закручивания гаек» со стороны СССР.

19 мая 1934 года - дата установления дипломатических отношений между Болгарией и СССР. С этого времени советское государство оказывает всё

больше влияния на отношение болгарской власти и белоэмигрантам. Согласно Болгаро-советского протоколу от 1934 года оба государства принимают на себя обязательства «не создавать, не поддерживать и не разрешать пребывание на своей территории организаций, ставящих своей целью вооруженную борьбу против второй договаривающейся стороны ..., или присваивающих себе роль правительства другого государства или части его территории». Эти условия ставят болгарские власти в сложное положение перед российскими эмигрантскими организациями - организации поставлены под строгий полицейский контроль, хотя открытых репрессий в их сторону не производится.

Можно заметить, что условия существования эмигрантов в Болгарии были напрямую зависимы от отношений этой страны с СССР. При всей привлекательности Болгарии, как близкой по духу славянской и православной страны, по этим же причинам она была вынуждена ориентироваться на политику СССР. К тому же небольшая страна должна была вести политику с оглядкой и на крупные европейские державы. Таким образом можно сказать, что при всех положительных моментах гражданские белые эмигранты не смогли полностью избежать влияния родной страны и её нового режима на свою жизнь, даже покинув её пределы.

Литература

1. Тинин И.Г. Бытие, исход, второзаконие (история глазами очевидца). Династия Тининых и иже с ними. Воспоминания. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001.
2. Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / под ред. В.В. Чумаченко, П.В. Чумаченко, С.А. Рожкова. – М.: Новые печатные технологии; Синержи, 2013.
3. Анастасова Е. Русские в Болгарии / В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX - первая половина XX в.). - М.: Индрик, 2009.
4. Косик В. И. Наброски к «портрету» русской эмиграции в Болгарии в 1920–1950- х гг. / В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX - первая половина XX в.). - М.: Индрик, 2009.

5. Къосева, Ц. Русские емигрантские организации в Болгарии (общая характеристика) / Ц. Къосева // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 2. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2007.

6. Пейковска Пенка. Русская интеллигенция в Болгарии в 20-е годы XX в.: социально-професионална структура/ Историческа българистика (К 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева)– М., 2016.

Олег Кольцов

*Дипломатическа академия МИД РФ
(факултет Международные отношения и международное право,
бакалавриат)
oleg.kolcoff@mail.ru*

Атомната енергетика в контекста на Република България

Тема «Атомната енергетика в контекста на Република България» е една от най-актуалните днес. Защото тя е неразривно свързана с енергийната сигурност. Централните държави в света през цялата си история по различни начини са се старали да контролират по-слабо развитите страни. Причините, заради които се извършва така наречената експанзия, са много, но най-важната от тях е разбирането, че е необходимо да има достатъчно енергийни ресурси, за да може държавите да се развиват и занапред. Така например европейските страни никога не са били богати на полезни изкопаеми, и разбирайки този факт, държавните дейци открай време се стараят да завземат най-плодородните и богати земи.

През 21 век необходимостта от енергийни ресурси почти не се променя, дори нараства. Политиците от цял свят разбират цялата нужда и важност на дадения аспект за по-нататъшното развитие на страните си и дори нещо повече - днес все по-актуален става терминът «енергийна сигурност». За да може в една държава различните отрасли на икономиката да се развиват, населението да задоволява свободно всичките си необходими жизненни потребности и държавният апарат да провежда независима, свободна политика, страната

трябва да е пълноценно осигурена с всички енергийни ресурси. Предвид цялата важност на това да има енергия и тя да се потребява рационално, през 1960 г. е приета резолюцията на ООН [ООН 1960: 9], в която става дума за необходимостта да се зачитат правата на всяка държава да се разпорежда с енергийните си ресурси така, както тя смята за необходимо, а трябва също да споменем и за резолюцията на ОС на ООН от 1962 г [ООН 1962: 15], която потвърждава суверенното право на всеки народ да разполага с ресурси и да ги използва рационално в интерес на държавата. Може да кажем, че точно тези документи полагат началото на съвременното понятие “енергийна сигурност”.

Енергийната сигурност през 21 век се гарантира не само от вътрешните възможности на държавата, но и чрез стабилно партньорство с регионалните държави. За да може даденият сектор да функционира успешно, трябва рационално да се диференцират постъпващите потоци от енергийни ресурси, а също така да се създават начини за произвеждане на електроенергия вътре в страната. Съществуват три основни понятия, които се имат предвид при оценяването на енергийната развитост и стабилността на държавата. Това са енергийната сигурност, достъпът и екологичната стабилност [World Energy Council 2021: 10].

Днес за регионите, които не са богати на полезни изкопаеми, има възможности във вид на възобновяеми източници на енергия (ВИЕ). Това са вятърните, слънчевите, водните или атомните централи. Именно благодарение на усъвършенстването на енергийната инфраструктура и създаването на алтернативни източници на енергия дадена държава може да си осигури икономическо развитие и безопасно бъдеще.

Република България, като отговорен член на ЕС, в най-близкото бъдеще трябва да направи енергиен преход и да диверсифицира източниците на електроенергия в страната си. Например, според схемата на РосАтом “зелен квадрат”, има четири основни вида ВИЕ, на които трябва да се обърне съответно внимание в процеса на “зеления преход”. [Rosatom 2019]. В тази посока, най-благоприятният вариант е използването на атом. Вземайки предвид този аспект, официалните представители на РБ неведнъж са се изказвали за

изграждането на нова АЕЦ или два нови енергоблока на вече съществуващата атомна електроцентрала «Козлодуй» [Onair 2022].

Към днешна дата атомните електроцентрали са най-перспективен и целесъобразен източник на електроенергия в рамките на “зеления” преход. Независимо, че има какви ли не ВИЕ във вид на СЕЦ, ВЕЦ или водни централи, много от тях са доста повредени от атмосферните и природните условия, което може да доведе до изключване на енергийната мрежа в някой малък град или заради слабото развитие да няма възможност да се произведе необходимото количество електроенергия.

Нещо повече, за да може ВИЕ да се развиват успешно, е необходимо сътрудничество с проверени, специализирани компании, които да разполагат в портфейлите си с вече реализирани преди това проекти. В този аспект не може да подминем РосАтом, който отдавна и активно си сътрудничи с различни държави и изпълнява договорените си задължения в срок. Освен това въпросната компания е лидер по брой на проектите, намиращи се в портфейла ѝ, и е единствената, която разполага с пълен цикъл от дейности при реализирането и въвеждането в експлоатация на атомни електроцентрали.

Накрая нека кажем, че въпреки политиката, провеждана от различните съюзи и обединения, правителството на държавата на първо място трябва да се ръководи от интересите на собствените си граждани и да се стреми колкото може по-скоро и по-правилно да осигури на страната си енергийна сигурност и развита инфраструктура.

Списък на източниците

1. Резолюция на ОС на ООН A/RES/1515 (XV)
2. Резолюция на ОС на ООН A/RES/1803 (XVII)
3. World Energy Council
4. Rosatom// URL: <https://strana-rosatom.ru/2019/04/22/forum-v-zelenom-kvadrata/>
5. Българска новинарска агенция-On air Bulgaria// <https://www.bgonair.bg/a/157-direktno/257452-nova-yadrena-tsentrала-u-nas-mozhe-da-zaraboti-edva-sled-10-godini>